

Демон внутри меня

Автор:

[Лана Мейер](#)

Демон внутри меня

Лана Мейер

Игра манипуляторов Демон внутри меня #1

Он – конгрессмен, жадный до власти мужчина в идеальном костюме от Kiton. Кай – первородный соблазн. Грех. Но его второе "я" таит в себе еще более чудовищную суть. По воле случая Леа попадает в "коллекцию" живых игрушек мистера Стоунэма и становится новой жертвой его опасных игр. История не для слабонервных и нежных особ. Предупреждения: 18+, сцены насилия, роман погружает вас в водоворот страсти и эмоциональной, психологической зависимости между героями. Содержит нецензурную брань.

Пролог

«Мой враг – я сам внутри себя. Внутри меня есть «не я».(с)

Харуки Мураками. Все божьи дети могут танцевать.

«Я тот, чей взор надежду губит;

Я тот, кого никто не любит;

Я бич рабов моих земных,

Я царь познания и свободы,

Я враг небес, я зло природы,

И, видишь, – я у ног твоих.»

М. Ю. Лермонтов «Демон»

Лейла

Не так я представляла себе свою жизнь.

Теперь, когда я заглянула в самое сердце бездны и осталась жива, эта мысль не перестает преследовать меня.

Я не сделала ничего плохого. Но и ничего хорошего.

Первое, что чувствую, когда сознание возвращается в мое тело – боль. Тягучую, липкую...сосредоточенную на моих запястьях и лодыжках.

Я связана и не просто связана – оковы плотно окольцовывают мою кожу, до красноты, до рубцов, которые останутся со мной на всю жизнь.

Как память о кошмаре, который настиг меня в момент, когда я смирилась со своей участью рабыни.

Я не была рабыней в самом из жутких смыслов этого слова. Скорее вольной птицей, запертой в золотой клетке. Я не была свободна, но и не вылизывала ноги своему хозяину.

Я просто не принадлежала себе. Уже слишком давно – нет. А теперь все будет гораздо хуже, ОН успел показать это мне, и я знаю, что этот подонок не остановится ни перед чем. Кай Стоунэм будет упиваться своей мезьей, пока не сломает меня.

Это будет не разлом пополам, он сказал, что это было бы слишком легко. Скучно. Он будет медленно отламывать кусочки моей души и каждый кусочек делить на новые части...

Маньяк? Психопат? Сумасшедший? Именно эти слова приходили мне на ум, когда я вспоминала взгляд его зеленых глаз-хамелеонов.

Я больше не хотела их видеть. Никогда. Но он уже подал голос:

– Не притворяйся, – этот был голос полный стали. Голос моего похитителя и создателя моих мук. Я даже в мыслях не хотела называть его по имени. Но еще больше я не хотела, чтобы он произносил мое имя. Пусть даже не настоящее.

– Я знаю, что ты пришла в себя, Лейлааа, – мое имя Кай протянул, и от одного звука его голоса по моей коже заструился пот. Я отчетливо почувствовала медленно стекающую по пояснице каплю.

Я не буду просыпаться. Чем меньше я буду смотреть в его глаза, тем лучше будет для меня. Так легче...противостоять его влиянию. Хотя это почти невозможно.

Постаралась прислушаться к своим ощущениям. Я больше не была потной и грязной. Не чувствовала крови на своем теле – осталось лишь болезненное жжение между ног. Если бы я встала, боль принесла бы мне серьезные проблемы при ходьбе.

Это пройдет.

Старалась себя успокоить, чтобы остановить предательские слезы, закипающие под веками. И даже это не укрылась от его соколиных глаз...

Он затянул веревки на моих запястьях еще туже, когда я резко открыла глаза и начала вырываться из пут. Как глупо.

– Отпусти меня! Ублюдок! Ты за все заплатишь! – неожиданно вырвалось из меня, а потом я всхлипнула и ослабла снова. Боль стала невыносимой. Она начала просыпаться в моем теле.

А картинки моих воспоминаний смешались с мягким угрожающим баритоном в моей голове:

«Сейчас я трахну твою маленькую тугую попку. И только попробуй вякнуть.»

На губах я ощутила вкус клубники. Это последнее, что я помню, прежде чем вновь провалиться в бессознательную бездну.

Глава 1

Лейла

Говорят, привыкнуть можно ко всему. Даже к тому, что тебя все ненавидят.

Даже к тому, что теперь я вещь? У меня нет личности. Лишь маска, которую нацепили на меня, как на куклу, и которую я приняла с улыбкой из-за отсутствия вариантов.

Неужели можно даже привыкнуть к мысли, что я больше никогда, никогда не увижу своих родных и близких?

Помню ли я их лица, и достаточно ли двух лет, чтобы полностью обнулить свою жизнь?

Я больше не знаю, кто я. Лейла. Такое имя дал мне мой хозяин – Алмас Ясин.

– Лейла, поменяй мои ароматические свечи, пожалуйста. Я хочу что-нибудь фруктовое или цветочное, – поднимаю глаза на женщину, пританцовывающую у зеркала. Она крутится перед своим отражением, радуясь новому дорогому подарку от своего мужа – роскошный халат в восточном стиле, украшенный сверкающими камнями. Уверена, что драгоценными. Прикидываю, что стоимость

халата составляет годовой бюджет какой-нибудь небольшой страны в Африке.

В этом доме все сверкает и блестит, как и в том доме на Ближнем Востоке, который мы недавно покинули. Мы вернулись в Америку на время – Алмас часто приезжал сюда и порой не хотел расставаться со своими женами, наложницами, служанками и рабынями. Он любил женщин. Любил их нежной, светлой, но собственнической и где-то жесткой любовью. И мне повезло, что в его характере было любить всех женщин, иначе бы он не был бы так терпелив к моему телу.

Я не могла поверить в то, что нахожусь дома. Когда я говорю «дом», я имею в виду Штаты. Не на Ближнем Востоке. Не в этой удушающей жаре, что стоит там круглый год.

То, что раньше когда-то было моим домом, моей жизнью...

Возможно, всего в нескольких десятках километров от нашего особняка находится моя редакция. Мой кабинет, в котором я любила засиживаться допоздна. За моим столом сидит уже другая девушка и она пишет моей ручкой, а перед ее глазами стоит фотография ее мужа в рамочке.

Так я себе это представляла.

Мое сердце наполнила такая тоска, что я почти физически ощутила болезненную ломоту в грудной клетке.

Спустя два года я уже почти не плачу.

Надеюсь, моя преемница не будет совершать моих ошибок и никогда не окажется в ситуации, в которой оказалась я.

– Да, Госпожа, – отвечаю тихо и смиренно, почти не покривив душой. Ко всему можно привыкнуть.

Николь является одной из семи жен Алмаса, и у нас с ней довольно теплые, почти дружеские отношения. Не считая того, что я обязана прислуживать ей и выполнять все указания. Обычно это всякие глупости – поменять ароматические свечи, приготовить ванну, перебрать ее золотые украшения и красиво

разложить по многочисленным шкатулкам.

Женам Алмаса самим приелась их «золотая клетка», они не ведут особо активную жизнь, и поэтому круг их поручений довольно узок. Может, поэтому я привыкла ко всему, что происходит здесь со мной.

Именно потому что не происходит ровным счетом ничего.

Я изолирована от общества. И заслуженно.

Хочу ли я вернуться на свободу? Я не уверена. По крайней мере не ценой свободы близкого мне человека, ради которого я здесь.

Меняю для Николь свечи, изредка поглядывая на женщину, что часами может любоваться своим отражением и дотрагиваться до многочисленных золотых браслетов, украшающих ее запястья и предплечья. Алмас очень щедр и запредельно богат. Он содержит семь своих жен, хотя иногда мне кажется, что он всех их ненавидит. Жены хотят от шейха лишь одного – золота и побольше, наложницы же – готовы платить ему лаской, теплом и телом, чтобы получить взамен ЕГО любовь.

Кем являюсь я в этом гареме? Не знаю. Алмас говорит, что я – его вдохновение. Его муза. Его любовь.

Его невинный цветок, который он будет беречь до последнего. Для себя.

Он знает, что несмотря на мой возраст – двадцать пять лет, я невинна. Физически невинна.

Но только Дьявол видит то, что я вижу в своих мыслях, когда закрываю глаза. И даже он – в ужасе.

– Красота моя, Лейла, – часто говорил он, нежно зацеловывая мои руки. По большей части я ничего не отвечала. Я молчала почти все время. Ушла в себя, создала храм собственной души внутри тела, где я могла делать, что угодно. С виду же я выглядела, как примерная рабыня, служанка, наложница...не знаю, к кому себя причислить. Я видела, что случалось с девушками, которые пытались

сбежать, сопротивлялись, они сходили с ума...хотя Алмас никогда не мучал их.

Может, я чего-то не знала, но он не был психом или извращенцем. Все, что он хотел – это окружить себя самыми красивыми женщинами, самым ярким золотом и брильянтами. Он говорил, что хочет чувствовать полное изобилие в своей жизни. И нет способа лучше, чтобы почувствовать это, чем оградить себя красавицами.

«Но ты, моя дорогая Лейла – краше всех.

Красивее любого бриллианта, который я когда-либо видел.»

Красота...она временна. Да, я не считаю себя настолько красивой, как многие твердят мне. Мой образ – лишь сочетание правильных черт лица и хорошей фигуры, но мужчины рядом со мной...меняются. И я всегда это чувствовала, с самого детства. Я и сама не знаю, в чем мой «секрет». Наверное, в хитрости.

Кристиан как-то сказал мне. «У тебя есть особый дар. О котором ты, наверное, даже не догадываешься. Ты умеешь обволакивать мужчину...»—Кристиан тогда хотел сказать что-то еще, и я видела это по его лицу и дрожащим губам. Но он не смог. Очень трудно говорить такие слова той девушке, которая только что тебя отвергла и пятнадцать минут рассказывала тебе о том, какой ты замечательный, потрясающий, лучший друг. С Кристианом я дружила с детства — когда он стал взрослым, я даже не заметила того, что он возмужал. Когда Крис стал носить дорогие рубашки и купил свой первый более-менее приличный автомобиль, я все еще видела в нем мальчишку, который бегает по школе и поправляет свою челку и непослушные волосы. Улыбчивый, душевный, простой. Лучший друг, на которого я могла положиться, человек которому я бы могла доверить все и даже собственную жизнь. Но моя жизнь – в прошлом.

Я не испытывала сильных чувств к кому-либо. И никто и никогда не зажигал внутри меня тот загадочный огонь, о котором подруги могли говорить часами. Они с восторгом описывали их парней, в которых они влюблены по уши, а я...только пожимала плечами, когда знакомилась с ними. Парни, как парни.

Смотрела на них и чувствовала удушающую пустоту. В душе — ни огонька, ни вспышки света. Ни-че-го. Сердце мое почти всегда стучало ровно и размеренно. Я умела быть спокойной. Так было легче держать на привязи дьяволицу внутри

себя. Я думала ее не существует, но как оказалась — она просто спала. Ждала наивысшего «демона».

Просыпалась она только тогда, когда я полностью отдавалась любимому делу. В прессе меня прозвали «Королевой интриг», и это мне только льстило. Для начинающего журналиста нет более достойного прозвища, а черный пиар был моим главным коньком.

Помню тот день, когда ко мне пришло осознание простого факта: если я хочу, чтобы обо мне заговорили, нужно быть хитрой, проницательной и доставать всю грязь на поверхность. Где-то даже приврать, обернуть в «красивый фантик». Этим я и занималась — все началось в старших классах, когда я стала редактором школьной газеты. Конечно, я писала правду, но ради того чтобы подогреть интерес одноклассников к газете, в красках описывала подробности драк на поле после матчей и высказывала свои предположения о причинах постоянных перепалок. Я никогда не была конфликтным человеком, мне просто нравилось писать. Но сверстники куда с большой охотой читали о драках, интригах, предстоящих школьных балах, чем об открытии нового кружка по прикладному искусству.

В колледже мне предложили стажировку в одной скандальной желтой газетенке — иначе ее не назовешь, но я согласилась, так как мне нужен был опыт. Я знала, что путь к звездам лежит через тернии, и не всегда к ним ведет «красная дорожка» и овации. Я приготовилась к долгой работе и открылась возможности «набить руку».

В своих статьях я всегда писала правду. О звездах, политиках, спортсменах. Из любого развода знаменитой личности я раздувала настоящую сенсацию, а пьяная драка скандального конгрессмена принесла мне грязную славу и хорошие деньги.

А мне нужны были деньги...также, как и известность.

У меня должно было быть имя. Я была единственным человеком в семье, который еще мог вырваться из той дыры, в которой утонула наша семья...

Тщательно изучив всю карьеру успешных журналистов, редакторов и даже писателей, я поняла: без скандалов не обойтись. Люди начнут прислушиваться

ко мне, только когда я сделаю себе имя.

А мне было что сказать.

Но сейчас моя писательская деятельность в прошлом. Я и не помню, когда писала в последний раз. Даже если бы хозяин дал бы мне ручку и бумагу, не выдавила бы из себя ни строчки. Я полностью закрылась в себе и стала тем, кем должна была быть — вещью Алмаса Ясина.

Слабая? Отчаянная? Возможно. Но я знаю, что у меня нет другого выбора — Алмас не просто мой хозяин, он нечто больше. Я его должница. К тому же я искренне верю, что это не навсегда...он не трогает, не издевается надо мной. Он милосерден и щедр. Он забрал мою свободу, но это был мой выбор — только так я могла подарить свободу своему брату. Только благодаря Алмасу Мейсона выпустили из тюрьмы. Только благодаря ему моя семья выкарабкалась из долгов, дерьма и грязи.

Оказавшись в своей рабской «золотой клетке», (так я называла свою комнату) замираю у туалетного столика. Медленно выдыхаю, заправляя выбившиеся пряди волос за уши, разглядывая свое отражение.

Разве о такой жизни я мечтала? Разве этого хотела?

Поворачиваю меж пальцев пузырек с духами, инкрустированный стразами — не брильянтами, как у одной из жен Алмаса, но стоит несколько тысяч долларов. Подарок хозяина. Перевожу взгляд на свое лицо, улавливая едва заметное дрожание своих губ в отражении.

Слезы. Они останутся внутри. Навсегда.

Не знаю, в каком месте поклонники находили мои глаза голубыми океанами. Сейчас мой истинный взгляд полон уныния, пустоты и отчаяния.

Черные волосы с шоколадным оттенком распущены – господин любит естественность, но я скучаю по аккуратным пучкам, в которые заплетала волосы, собираясь в офис.

Нет никакого смысла и в моих четко очерченных губах, которые никогда не знали страстных поцелуев и не произносили искренних слов любви. Нет ничего примечательного в идеально вздернутом носике, когда нет никого, кто бы мог целовать его перед сном...

Красота была для меня скорее проклятьем, чем подарком.

– Лейла, душа моя, – я давно не вздрагиваю, когда слышу голос Алмаса. Обернувшись и одарив его широкой улыбкой, я опускаюсь на колени, слегка кланяясь хозяину.

– Да, мой господин, – не смотря на формулировку обращения, в моем голосе нет ни капли преклонения. Повиновения. Ничего рабского.

А вот Ясин смотрит на меня совсем иначе – с восхищением, благоговением и любовью.

– Встань, в этом нет нужды, красота моя, – благосклонно просит он, потирая свою густую бороду. Алмас красивый мужчина, но выглядит на все свои сорок пять лет – то ли наличие семи жен, то ли жестокий бизнес влияют на него так – лоб Ясина украшают глубокие горизонтальные морщинки. Они заметны на его лице, несмотря на бронзового цвета кожу.

– В твоем взгляде нет покорности, одно лишь вдохновение. И чистота, – шепчет он, нежно прикладывая руку к моей щеке. Встаю, глядя ему прямо в глаза, и чувствую...что могла бы вертеть этим сильным и могучим мужчиной, как хочу. Если бы я только хотела...но внутри меня нет огня, а если он и жив глубоко в душе, я не чувствую нужды отдать его именно Алмасу.

Но ему позволено смотреть.

– Хоть ты и моя пленница, ты значишь для меня куда больше, чем многие жены, Лейла, – упираюсь губами в его раскрытую ладонь. И резко отворачиваюсь.

– Жду ваших указаний, мой господин. Что на этот раз? – я знаю, что Ясин не приходит ко мне просто так. Обычно он просит...массаж или помочь принять ему

ванну.

Звучит противно, но на самом деле...все не так плохо. Он не трогает меня. Кажется, ему моя девственность дороже, чем мне самой. Когда он впервые узнал об этом, он вообще был удивлен тем фактом, что взрослая девушка с запада, может быть невинна.

Находясь в плену Ясина, я чувствую себя японской гейшей – будто продаю свою женственность, а не тело. Я вдохновляю своим присутствием и не позволяю ему ничего лишнего. Я просто жду. Выжидаю того момента, когда смогу попросить его о свободе и знаю, что рано или поздно он не сможет мне отказать. В то же время я боюсь того, что Алмас так зациклится на мне, что никогда не отпустит.

Как бы там ни было, без него я, возможно, и вовсе сейчас не дышала бы. Также, как и моя семья. И все из-за моей скандальности, привычки копаться «в грязном белье» и выливать это на бумагу.

– Я хочу, чтобы ты приняла это, – Ясин показывает на мою кровать, на которой поблескивает шелковая ткань и бриллианты. Очередной костюм для восточного танца – Ясин любит, когда я танцую для него.

Шлюхи – для секса, жены – для общества, такие, как я – для танцев и массажа и развлечения.

– Вы хотите, чтобы я станцевала для вас? Когда? – фальшиво улыбнувшись, я подбегаю к кровати и поднимаю искрящуюся ткань. Закружив по комнате вместе с шелковым нарядом, радостно прижимаю его к груди.

Конечно, я не испытываю и толики радости. Нет ничего унижительнее, чем танцевать приватный и сексуальный танец для своего хозяина. Но я засовываю унижение так глубоко в себя, понимая, что это мой единственный путь. Приходится играть в блестящую дурочку. Лишь бы окончательно свести Ясина с ума. Лишь бы он был готов выполнить любое мое желание. Например, отпустить меня. Может быть сейчас...может уже пора?

К тому же, мы в Штатах. Так близко к дому я не была очень давно. Маленький огонек надежды загорелся в глубине сердца, но быстро погас.

И на что ты рассчитываешь? Забудь. Он никогда не отпустит тебя. Мужчина с Востока скорее убьет, чем выпустит на волю «птичку», однажды оказавшуюся в его гареме.

– Прекрасный наряд. Я так благодарна вам, – елейным тоном произношу я, ощупывая мягкую ткань.

– Я прибыл в Америку для деловых переговоров. Они очень, очень важны для меня, Лейла. На кону стоят большие, огромные деньги. Сделка всей моей жизни. Мне нужно расположить к себе друзей, партнеров. Ты и еще несколько рабынь будут танцевать для них в большом зале.

Улыбка так быстро сползла с моего лица, что я даже не успела осознать того, что забыла о роли «идеальной куколки». Настолько была обескуражена.

Танцевать? Для толпы богатых ублюдков?! Ни за что.

Внезапно мне стало не по себе. Пару раз Ясин устраивал такие приемы, и рабыни нужны были ему для «развлечения» господ. Но то были восточные мужчины, которые в танце живота видели в первую очередь танец. Такое они видели каждый день, да и во дворце мне проще было отключиться и просто танцевать, потому что там...я была кем-то другим. Я была Лейлой.

Кто я сейчас? Здесь, в штатах, я как никогда чувствую полнейшее отчаяние и тотальное одиночество. Прошое дышит мне в спину, а я боюсь обернуться и воочию увидеть, что от прежней меня ничего не осталось.

– Что такое, свет мой? – в первый раз за два года я позволила идеальной маске сползти со своего лица. Мой растерянный взгляд не удалось скрыть даже от Ясина.

– Господин, я могу станцевать для вас в любое время. Но...мне бы не хотелось делать это здесь, – с трудом сглатываю, опасаясь произнести последнее слово. «Дома.»

Алмаз мгновенно мрачнеет, вглядываясь в мои дрожащие черты.

– Ты играешь с моими чувствами, Лейла. Но ты забываешь о том, что моя любовь к тебе так же сильна, как к моим женам. К моим рабыням. Я дал тебе многое и вижу, что ты ценишь это. Признаюсь, я и сам бы не хотел делить тебя с кем-либо из моих гостей. Но... сделка очень серьезна. Мне нужны мои самые лучшие девушки. А ты – лучшая из лучших, – спокойно отчеканил Ясин, но в его голосе я слышу намек на угрожающий тон. – Ты слушаешься меня? Или тебе напомнить, что ты здесь по своей воле? Я могу отпустить тебя в любой момент... – прищурив веки, напоминает Ясин, но в ответ я отрицательно качаю головой.

Он знает, что не может отпустить меня. Мне никогда не откупиться. Мне никогда не расплатиться за то, что он сделал для нашей семьи.

Нервно закусываю губу, покоряясь воле своего Шейха.

– Я буду танцевать, – стоило мне подумать о том, что я накрою свое лицо вуалью, как Алмас задумчиво проводит пальцем по подбородку и дополняет приказ.

– И никаких масок, Леа. И вуалей. Мне нужны твои прекрасные глазки, – мужчина мягко накрывает ладонями мои скулы. Есть в этом жесте что-то запредельно нежное, почти отцовское. Я и сама до конца не знаю, какие Ясин испытывает ко мне чувства, и почему до сих пор не пытается взять меня силой, как проделывает это с другими девушками. Ходят слухи... что он достаточно жесток и доминантен в постели.

Хотя кого я обманываю? Ясин наверняка догадывается обо мне. О моей бессердечности, а точнее... о том, что я почти не поддаюсь возбуждению. Возможно, я фригидна. Как еще объяснить то, что в своем возрасте и с такой внешностью, я ни разу не была с мужчиной? Я знала, из-за чего у меня стоит этот блок. Но Ясин об этом не догадывался. Это только мое воспоминание. Однако, даже от хозяина не укрылась страшная правда: как бы он не старался, я едва ли заведусь в его присутствии. Никому не интересно трахать бесчувственное сухое бревно, которое только может притвориться и симулировать на радость хозяину. Однако мое тело все равно не обмануло Ясина. Однажды, он пробовал это проверить и больше ко мне не прикасался.

Я испытывала сексуальное желание только в своих снах, а когда просыпалась в холодном поту и с пульсацией между ног, старалась забыть эти кошмары. Мои тайные желания были слишком темными и порочными. Такое не приходит в

голову при свете дня. Такое не обсуждают с подругами...

Наверное.

- Да, мой господин, - прикрываю веки, борясь с закипающей злостью.

Нежная, уверенная, красивая.

Это все, что от меня требовалось. Когда-нибудь я выберусь отсюда и напишу чертовски разоблачающую статью об этом мужчине. Или даже книгу.

Но я не напишу. Это тоже самое, что подписать себе приговор.

- Что вам еще угодно?

- Это все. Дальнейшие указания получишь от организаторов. На этой неделе у меня много дел, я почти не появлюсь здесь. Боюсь, увижу тебя в следующий раз только на приеме. И не сомневайся - я буду смотреть только на тебя, - улыбка исчезает с лица Ясина. Нацепив на себя суровую маску, он выходит из моих покоев и отправляется дальше - наверняка, чтобы навестить еще несколько своих наложниц, а потом вернуться к жене.

Не сомневаюсь, все будут смотреть только на меня.

Сколько себя помню, никогда не была обделена мужским вниманием. Девушки завидовали мне, мечтая, чтобы мое лицо покрылось прыщами, а тело обросло целлюлитом. Но назло им этого со мной не случилось, и, к сожалению, мужчин я продолжала держать их, как своих друзей или карманных бойфрендов.

Может, мне попадались слишком слабые мужчины, которые легко поддавались моему влиянию. Всех мужей своих подруг я видела насквозь, и ни один из них не вызывал у меня ни чувств восхищения, ни зависти. Опять же, ничего. Максимум - дружеское тепло и уважение.

Тяжело вздохнув, я принялась медленно расчёсывать свои волосы гребнем - это успокаивало, когда хотелось разрыдаться и выпиться в них кулаками.

Легкое движение руки по волосам...

Раз...два...глубокий вдох...

И все мои чувства спрятаны за семью вуалями. И вряд ли найдется тот, кто когда-нибудь выпустит моих демонов наружу.

Глава 2

Flashback. От третьего лица.

Кай Стоунэм был довольно необычным ребенком, и первое, что всегда привлекало взгляды прохожих, это цвет его глаз. С рождения его зеленые глаз-хамелеоны украшала частичная гетерохромия (прим. различный цвет радужной оболочки правого и левого глаза или неодинаковая окраска различных участков радужной оболочки одного глаза.), а черная каемка радужки и вовсе делала его взгляд магнетическим, притягательным.

Кто-то находил это красивым.

Кто-то устрашающим.

«Ты особенный, Кай. Ты мой особенный мальчик» – нежно шептала ему Ханна, когда прощалась с сыном перед сном.

В глубине души она надеялась, что он совсем не в том смысле «особенный», как его отец – Уилл, которого, несмотря на прогрессирующую болезнь, она не могла перестать любить.

Уилл был ее наркотиком. Самой большой зависимостью, а рождение ребенка только укрепило болезненную связь между ними.

Они заигрались. Каждый раз, когда Ханна позволяла себе посмотреть на выстраданные отношения с мужем со стороны, ей овладевал леденящий душу страх от мыслей о том, насколько страшный приговор подписывает себе и своему ребенку, находясь рядом с психически нестабильным человеком. В дни одиночества, когда муж уезжал в командировки, она мечтала взять в охапку Кая и сбежать. Сбежать далеко-далеко, где сумасшедший муж никогда не найдет ее.

Но Уилл не всегда был таким. В периоды активного лечения у психоаналитика он вновь становился нежным и любящим отцом, мужчиной, в которого когда-то без памяти влюбилась Ханна. Жизнь с ним была сродни танцу на пороховой бочке: в любой момент Уилл Стоунэм мог сорваться и поддаться внутренним демонам, что погружали его сознание в альтернативный мир, и Ханна понимала, что, находясь в неадекватном состоянии, муж мог нанести ей серьезный вред. А что самое страшное – ребенку...

В минуты затишья, нежности и любви она могла думать только о том, что хочет от Уилла второго сына. Она бы назвала его Коулом. Обязательно Коулом.

Что с ними будет, когда он вырастет? Унаследовал ли Кай страшную болезнь отца? Ханна жила словно в аду, но с каждой секундой она все дальше пробиралась в самое сердце лабиринта, где ее ждал личный Минотавр.

Демон, которого любила всем сердцем и всей душой ненавидела.

Иногда ей казалось, что рядом с Уиллом она и сама сходит с ума. Он завладел ее разумом, пленив своим характером, и подчинил своей воле. От мысли о жизни без него ее бросало в дрожь. Она и сама не могла понять, что сильнее: любовь или же ненависть к мужу? Пока не случилось самое страшное.

Лейла

И не вздумай себя жалеть.

Эту фразу я повторяю себе несколько раз в день, но сейчас, когда я стою в столь продажном облики, едва ли она может помочь мне. Слезы душат, перекрывая поступление кислорода. Вены на лбу вздуваются от напряжения, а все от того, что я слишком долго проглатываю свою боль и обиду. От которой каждая клеточка моего тела сгорала. Все, что я когда-либо чувствовала – настоящее, искреннее и глубокое было сокрыто для посторонних глаз.

В прошлой жизни я носила маску скандальной и уверенной в себе журналистки, но в душе являлась маленькой забитой девочкой, преследуемой тенью своего насильника.

Я до сих пор помню смрадный запах его тела, как меня передергивало от приступов тошноты и отвращения, когда он прикасался ко мне.

Если бы все сложилось по-другому...возможно, вся моя жизнь бы тогда пошла по другому сценарию. Может быть, я бы была более открытой, искренней, доверяющей. Я бы построила отношения с хорошим мужчиной, например, с Кристианом, и сейчас бы сидела в нашей загородной резиденции и смотрела на то, как мои дети играют с собакой, которую он подарил им на Рождество.

А сейчас? Я забыла, что такое Рождество. Новый год и волшебный светящийся шар на Times Square, предновогодние скидки, закупка подарков. Я забыла, что такое снег, потому что на Ближнем Востоке я стала не только пленницей шейха, но и вечной заложницей палящего солнца.

Сейчас я существо без прав. Получеловек, который принадлежит другому – цельному, богатому и влиятельному. И пусть Алмас относится ко мне не так плохо, как я ожидала, факт остается фактом. Я – служанка. Я – рабыня. Я – никто для этого мира, а скандальная журналистка канула в небытие, и я уверена в том, что обо мне даже никто не вспоминает.

Только семья, которая, кстати говоря, понятия не имеет, где я нахожусь.

Мое сердце предательски сжимается, когда я на секунду позволяю себе увидеть добрую улыбку своего отца. Я больше никогда его не обниму...

Не вздумай себя жалеть!

И не вздумай отпускать руки, Лейла.

Мое новое имя теперь является частью меня, и даже в мыслях я называю себя именно так. Есть ли у меня еще паспорт? Алмас забрал его, как только я подписала контракт. Я сделала это добровольно. Под гнетом веских на то причин...

Что способно толкнуть человека на подписание себе пожизненного рабства? Только жажда...жажда искупления.

Но оно так и не пришло.

Поправляю изумрудную ткань, свободно обвивающую бедра. При каждом движении камни и украшения на моем наряде побрякивают, не говоря уже о том, что я сверкаю, как рождественская елка. Пришлось намазать тело сияющим автозагаром, исполняя приказ Алмаса.

Рисую изящную стрелку на веке, заканчивая наносить «арабский макияж» – большие и широкие стрелки, объемные ресницы и темно-коричневые губы. Кажется, этот чертов боевой раскрас прибавляет мне пару лет, но голубые глаза играют новыми красками и выглядят глубокими, томными.

Но мне так хочется смыть с себя слои штукатурки! Сорвать унижительное одеяние дешевой танцовщицы, встать на колени...

И возведя руки к небу просто закричать от отчаяния. Закричать так громко, чтобы нашелся тот, кто меня услышит. И спасет.

Большой зал особняка Ясина представляет собой коктейль из всего самого роскошного и яркого, что есть в восточном стиле: керамические вазы, украшающие каждый уголок в зале, ковры, сшитые вручную и пестрящие золотыми и ярко-красными красками. Каменный пол и широкие колонны, обрамляющие небольшой искусственный водопад, ниспадающий в бассейн, где плавают раскрывшиеся бутоны белых лотосов.

Алмас воссоздал здесь атмосферу своего первого дворца на Ближнем Востоке, и когда я покинула свою комнату, я почти забыла о том, что сейчас мы находимся в Америке. Здесь нет окон – Большой зал окутан искусственным, приглушенным и таинственным освещением. Я наблюдаю за происходящим у бассейна с небольшого балкончика над залом, спрятавшись за шторой из красного бархата.

В воздухе парит едва уловимый аромат лаванды от ароматических свечей и специальных эфирных масел, но это не помогает мне унять нервозность и подавить дурное предчувствие.

Уловив терпкий запах мяты и цитрусовых, я перевожу взгляд на кальянную зону зала, где все пространство заволочло паром и дымом. На позолоченных столах составлены аккуратные пирамидки из восточных сладостей: лукума, нуги и халвы.

Разглядываю каждую деталь большого зала, который и без того всегда выглядит помпезно, но сегодня служит воплощением в жизнь фрагмента из восточной сказки. Только это очень-очень жестокая сказка...

И здесь так много мужчин. Американцев. Мой желудок сжимается, разум ослепляет призрачная надежда. Может, позвать на помощь? Поговорить хоть с одним из этих состоятельных людей и умолять о том, чтобы они выкупили у меня у этого человека?

Какая глупость. Алмас не отдаст меня за бесценок. А никто не предложит ему столько, во сколько он меня оценивает.

– Что ты там высматриваешь? – шипит на меня Кио – она со своей бледной кожей и узким разрезом глаз совсем не вписывается в атмосферу востока. И все же девушка очень красива и миниатюрна – Алмасу нравятся женщины разных мастей. Обвожу взглядом всех танцовщиц-рабынь и с раздражением осознаю, что я одна одета в изумрудный топ и юбку. Эксклюзив, черт возьми...

Все девушки облачены в одинаковые костюмы, а я за счет яркого цвета и украшений заранее выделяюсь. Я хотела скрыться в толпе танцовщиц, а Ясин видимо жаждет того, чтобы я сполна насладились рабским унижением. Или хочет показать меня, как шикарную собственность, которой он обладает?

Я не знаю, что у него на уме, но теперь понимаю точно: все эти мужчины – американцы в большинстве своем, будут глазеть на меня, и я надеюсь, что камуфляжный арабский макияж поможет мне скрыть мою истинную личность. Ведь любой из них может узнать во мне ту самую «королеву интриг», и что тогда?

У меня нет ни единого ответа на этот вопрос. Но глупо ждать спасения от этих равнодушных к низшим слоям общества, толстосумов.

Кио ударяет меня по пальцам, и из моих рук выпадает кусочек лукама посыпанный сахарной пудрой. Ох уж эти восточные сладости. Если в этой жизни и есть что-то, во что я безнадежно влюблена – то это сладкое. Жаль, у меня нет такой же сильной любви к мужчинам.

И к людям. Сомневаюсь, что мармеладка могла бы мне сильно навредить, а вот знакомый моего старшего брата – вполне.

– О чем ты задумалась? Нельзя лопать перед танцем! Хотя ты не из тех, кто поправляются от одного взгляда на еду. А вот мне не повезло, – Кио усмехается и еще раз легонько ударяет меня по руке. Кио – единственная девушка в гареме Алмаса, с кем мне удалось построить почти дружеские отношения.

– Кио, я не смогу... – меня передергивает от отвращения, когда я вновь смотрю на мужчин, отодвигая штору кончиками пальцев.

Давно я не видела столько представителей «элиты» в дорогих классических костюмах. Кажется, в последний раз это было на каком-то аукционе, когда я пыталась написать разоблачающую статью о его хозяине. Краем глаза я замечаю, что Ясин стоит и разговаривает с женщиной, и он единственный, кто развернут ко мне спиной. Единственный, на ком нет пиджака – только черная рубашка и классические темные брюки. Волосы острижены очень коротко и стоят торчком на макушке, почти выбриты по вискам. Он поворачивается, но я быстро прячусь за шторой, пытаюсь унять нарастающее волнение.

Да что со мной? И зачем он повернулся? Неужели почувствовал мой взгляд на своем затылке?

От этой мысли стало дурно. Доедаю последнюю мармеладку, красующуюся на дне серебристой вазы, и провожу языком по пересохшим губам.

Шоу только начинается. К моему несчастью.

Мне хватает всего пары секунд, чтобы вспомнить свою семью, засунуть свою гордость в одно место и смиренно выйти ублажать богатых посетителей своим телом. Зал наполняет ретмичный звук восточных барабанов в сочетании с размеренной мелодией и женским голосом.

Только не поднимать на них глаз. Только ни на кого не смотреть.

Я постаралась забыться. Это всего лишь тело. Как бы раздета я ни была перед ними, никто из них никогда не коснется моей души. Я здесь, внутри. Настоящая я. А эта танцующая в изумрудном костюме девушка – Лейла.

Я полностью отдаюсь танцу, и что самое ужасное – я все-таки смотрю этим мужчинам в глаза и вижу огни похоти, зарождающиеся в них.

Без зрительного контакта это бы не было настоящим восточным танцем, а я должна была искусно проделывать свою работу. Должна...? С каких это пор это слово есть в моем лексиконе?

Я смотрю, заглядываю каждому в душу и даже улыбаюсь, но это всего лишь маска. Девушки кружатся рядом со мной, пока я не выхожу в самый центр и не начинаю плавно вращать бедрами, чередуя это движение с мелкой тряской под музыку – любой мужчина от такого зрелища впал бы в экстаз, и на доли секунды я даже чувствую некую власть над каждым из них, и не сомневаюсь в том, что «элитные кошельки» мигом забыли про все свои счета в банке и думают сейчас совершенно другим местом.

Продолжая танцевать, я стараюсь, чтобы мои движения были сексуальными, но сдержанными. Мне не хочется пошлости. Мне не хочется, чтобы они считали меня товаром или секс-рабыней, которая принадлежит Ясину...но уже слишком поздно. Всех нас они считают вещами, марионетками в руках влиятельного человека.

Мы – товар. А товар можно купить, обменять, продать...нехорошее предчувствие забирается под кожу, когда я боковым зрением замечаю, как Алмас перешептывается с тем самым мужчиной, обладающим сумасшедшей энергетикой. Похоже, они о чем-то спорят. Он не сводит с меня глаз в то время, как Алмас что-то презрительно ему нашептывает. Мужчина кидает на него короткий взгляд, от которого даже мой Господин затыкается.

Я никогда не видела подобного. Слово Ясина – закон, и не только для меня. Более влиятельного человека трудной найти, но, кажется, этот мужчина не признает авторитетов.

Внезапно музыка обрывается, и все мы замираем на месте. Я бросаю взгляд на Алмаса, полностью игнорируя пристальный взор его собеседника.

– Лейла остается, все остальные уходят, – коротко произносит Ясин, и девушки покорно покидают зал. С моих губ срывается судорожный вдох, и прекрасно осознаю, что мой полуобнаженный вид не скрывает моего волнения. Каждое лишнее движение груди или живота – все невербально кричит о моем страхе.

Ясин подходит ко мне, и мне приходится преклонить перед ним колени. На глазах у этих богатых животных...хоть кто-нибудь из них увидел во мне личность? А не просто красивый кусок мяса?

– Мой господин, чем могу быть обязана? – Ясин берет меня за руки и смотрит сверху вниз. Но я по-прежнему не выгляжу покорной, даже в столь унижительной позе. Я улыбаюсь.

– Обстоятельства повернулись не в мою сторону, тебя хотят у меня отнять, свет мой.

Я нервно сглотнула. ЧТО?

– Ч-ч-что...

– В этом зале есть один человек, и я перед ним в неоплаченном долгу. Этот долг больше, чем деньги.

Я начинаю понимать к чему он клонит, и притворная улыбка на моем лице становится еще шире.

- Два года ты играла со мной, - в голосе Алмаса слышны уязвленные нотки.

Я? Играла? Это вы сделали меня своей собственностью!

- Поэтому, не притворяйся, что тебе грустно, когда покинешь стены этого дворца. Как бы мне не было больно расставаться с...одним из лучших экземпляров моей коллекции, - меня передергивает. - Я думаю, что сегодня продам тебя.

Товар. Я товар. Предмет торговли на рынке извращенных животных, которые смеют называть себя людьми...

- Ты не выполняешь некоторых функций, которые мне необходимы. А секс по принуждению это не по моей части.

Я товар с браком. Который нужно продать. Все ясно. Я начинаю представлять, что Ясин говорит это не мне, пытаюсь наблюдать за этим со стороны. Но моя гордость, мое самовлюбленное эго жалобно и обиженно скулит, закрываясь руками.

- Но как же... - «моя семья», хотела договорить я, но Ясин прервал меня.

- Твой брат на свободе, и так будет до тех пор, пока он снова не совершит преступление. Уговор, который мы заключили два года назад, до сих пор в силе. Ты стала моей в обмен на свободу брата. В обмен на благополучие своей семьи.

Я хотела сказать что-то еще, прибывая в оцепенении и состоянии аффекта, но он слегка оттолкнул меня и уже громким и суровым голосом отдал свой приказ:

- Танцуй, Лейла! Танцуй для всех нас, - я до сих пор до конца не осознаю, что на самом деле происходит прямо сейчас. Не могу поверить. Ясин дорожил мной, как самым дорогим бриллиантом, как самой крутой тачкой в его коллекции. Он бы не продал меня...разве что под дулом пистолета.

Так кто же этот человек? Кто этот человек, который одним взглядом смог направить на такого, как Ясин, тот самый смертоносный кольт?!

Мне трудно представить, насколько он властен и влиятелен, что даже для Ясина его слово – закон.

Прислушиваясь к новой мелодии, я начинаю танцевать снова. И я больше не собираюсь стараться.

Как только делаю первое круговое движение бедрами и поднимаю руку вверх, ощущаю, как жжет кожу. Его взгляд клеймит мое тело ожогами, и это...так незнакомо, непонятно, страшно.

Если в первый раз я танцевала очень женственно и постоянно дотрагивалась до своего тела руками, то теперь я больше похожа на непластичную марионетку, которую заставляют танцевать, дергая за нити.

Я отступаю от музыки, от ритма, от всего, что делает обычный танец настоящим произведением искусства. И молюсь. Молюсь о том, чтобы этот мужчина передумал покупать меня у Ясина. Или забирать в счет долга.

В глубинах подсознания маячит огонек слабой надежды: что, если этот человек узнал меня? Что, если он решил помочь мне? Решил таким образом выволить из рабства?

Я не знаю, что и думать, но мой танец резко прерывают жестким хлопком в ладоши.

– Ты доволен моей прекрасной Лейлой? – интересуется Ясин у молодого человека, на которого я стараюсь не смотреть.

– Ничего особенного, как оказалось, – после долгой паузы слышу пренебрежительный и ледяной голос. Резко обернувшись на него, чувствую, как по ложбинке груди стекает увесистая капля пота.

Он лишь на доли секунды обжег меня взглядом, но его лицо и весь образ навеки отпечатались в моей памяти. А потом его взгляд упал именно на предательскую

капельку пота, которую я даже смахнуть не могла...

О, Боже.

– Она мне...не нравится, – выплевывает он, и я перевожу взгляд на Ясина, выжидая новых указаний. – Что ж, если тебе нечем расплатиться со мной...

– Стой! – впервые за два года я слышу в голосе Ясина мольбу. Казалось, она приводит в шок всех остальных присутствующих мужчин, которые с любопытством наблюдают то за мной, то за перепалкой двух гладиаторов. – Лейла, что это было?

Его уничтожающий взгляд полон ненависти.

– Я танцевала, мой господин, – высокомерно поясняю я, вскидывая подбородок.

– Не упрямься, свет мой. Не выложишься сейчас – я сделаю все, чтобы ты пожалела о том, что не попыталась ему понравиться, – преодолев расстояние между нами, Ясин медленно наклоняется к моему уху. – Мне достаточно одного звонка, и твой брат снова за решеткой. А вся твоя семья там, где она и должна быть – на самом дне, – четко произносит Алмас, ставя меня на место. Впервые за два года он настолько жесток по отношению ко мне. Видимо этот человек действительно держит Ясина на коротком поводке.

– Мой дорогой друг, мистер Стоунэм. Лейла способна на большее и сейчас она это продемонстрирует, – пространство наполняет новая музыка, а в моих висках пульсирует лишь прозвучавшая фамилия.

Мистер Стоунэм. Стоунэм...Стоунэм...Стоунэм. Мне знакома эта фамилия. И я вдруг цепенею, когда сопоставляю свою прошлую жизнь с тем, что происходит сейчас.

Мир очень тесен. Слишком тесен, чтобы я могла писать про кого-то разоблачающие и обвинительные статьи, и потом не поплатиться за это. Уже поплатилась.

Мистер Стоунэм пренебрежительно кривит губы, наблюдая за тем, как я стою в оцепенении и танцевать не собираюсь. Но...вдруг замирает, когда я, наконец, начинаю двигаться.

Я должна. Ради своей семьи, я должна сделать все, что от меня требует Ясин.

Хочется плакать от отчаяния, но на моем лице вновь появляется загадочная (как я надеялась) полуулыбка и томный взгляд, брошенный на окружающих меня мужчин.

Я знала, о чем они все думали. Ясин, наверняка, заикнулся им о моей непорочности, и у каждого из них это вызывало неподдельный интерес. К тому же я знала, что мужчины+ считают меня красивой...

При всем том, что я была почти обнажена и трясла грудью в такт со своими бедрами, что было очень унижительно, я чувствовала себя королевой.

Я могла бы контролировать самых слабых из них. Я могла бы управлять мужчинами, и они делали бы все, исполняли бы каждое мое желание...

Но не этот человек, который сейчас не отрывал от меня своего зоркого взгляда. Пристального, обжигающего...такой взгляд заставлял кровь в жилах стынуть, а потом вновь разгонял ее по телу.

Сделав последнее резкое движение бедрами, я упала на бархатный ковер, расстеленный для моего танца, и накинула на себя вуаль, которую достала из-за усыпанного побрякушками пояса.

Десятки глаз были прикованы ко мне, но лишь один человек смотрел так, будто видел насквозь. Словно мое лицо не скрывает тончайшая вуаль из арабского шелка.

Я опустила взгляд в пол, чувствуя, как позволяю заковать себя в новые кандалы страха и унижения...но, не смогла вновь поднять его. Не смогла выдержать взгляда этого мужчины, который на веки запечатлелся в моем внутреннем взоре.

ОН выглядел, как первозданное и древнейшее ЗЛО.

Холодный. Взгляд нефритовых глаз с угольно-черной окантовкой жалит меня, словно удар кнута, и я почти чувствую, как это причиняет боль. Физическую.

Как такое возможно?

Я ненавидела своего хозяина, но я бы смирилась с тем, что буду жить здесь, в сказочном дворце, чем добровольно бы сдалась в плен этого чудовища.

М о н с т р.

Все что приходит мне в голову, когда я вспоминаю его идеальные черты лица. Четкую линию челюсти и рельефные скулы, которые придают ЕМУ такой вид, будто он только что поднялся из преисподней.

Я дернулась на ковре, потому что единственное чего я сейчас хотела, это бежать.

И пусть я получу новый удар, новое наказание...все это лучше, чем быть отобранной ИМ.

Избранной.

Даже ад, в котором я оказалась, казался мне раем. Потому что настоящее пекло, оно там – под взглядом зеленых глаз с дьявольской окантовкой. Под взглядом демона.

Демона, чью идеальность "портит" только заметная родинка на левой скуле.

– Глаза на меня, – его голос звучал не громко, в нем слышались оттенки ласковой угрозы.

Мне казалось, что, если я посмотрю на него, то тут же расплачусь. Мой организм чувствовал опасность, которая исходила от этого человека.

Хотя, казалось бы, что может быть опаснее Ясина? Я уже знакома с тем, каково быть рабыней. Меня не ждет ничего нового...

- Подняла глаза на меня, - снова повторил он, и я вновь ослушалась.

- ЛЕЙЛА! - в голосе Ясина трепетал гнев.

- Не вмешивайся, Ясин, - кажется, Кая(я прекрасно знала как его зовут) только забавляла данная ситуация. - Мне нравится, что она такая непослушная. Тем больше причин наказать ее.

Его слова звучали в самом плохом из смыслов - многообещающе. Ясин не трогал меня, два года он берег мое тело...я вдруг почувствовала на своем подбородке уверенные пальцы. Они сжали меня в тиски, заставили покориться воле Кая.

Я подняла на него глаза и поняла одно: этот человек едва ли будет меня беречь. Если он захочет - он возьмет, и ничто его не остановит.

На снимках репортеров Стоунэм выглядел совсем не так, как в жизни. «Самый молодой и скандальный конгрессмен в истории подрался в баре.»

«Безответственный конгрессмен: жертва или убийца?»

Заголовки моих статей посвящённые Стоунэму бегущей строкой пролетели перед моими глазами.

- Вот мы и встретились...Лейла, - с презрением отметил он, сжав мой подбородок еще сильнее. Затем он откинул меня, унижая прилюдно: я отлетела на бархатный ковер, как дешевая шлюха.

- Что ж, Ясин. Я так понимаю, тебе больше нечего мне предложить...

- Деньги...

– Даже твоих денег не хватит. К тому же, они у меня есть. Поэтому упакуй ее хорошенько и доставь мне. Я люблю новые игрушки...до тех пор, пока они мне не надоедают, – он усмехнулся, и я отчетливо услышала в его голосе то, чего боялась больше всего – план изощренной мести.

– По рукам, мистер Стоунэм, – мужчины пожали друг другу руки, а все остальные присутствующее многозначительно ухмыльнулись.

Как это понимать? Бесчеловечные, вы, твари! На ваших глазах произошло что-то омерзительное, незаконное...на ваших глазах только что продали человека! А вам плевать?!

Меня затошнило. Спасения ждать не приходилось. Ни от кого. Эти мужчины и сами были марионетками в руках Стоунэма и Ясина...

Я подняла глаза на Алмаса, но он только поджал губы: мужчина был явно расстроен тем, что придется расстаться со мной. Но не сильно. Он думал, наверное, только о том, что он бы все равно не получил того, что он хотел...

Ему было необходимо, чтобы женщина желала его также, как и он ее. А я была «с браком». Горячая женщина с глыбой льда внутри.

Я чуть не завывала от отчаянья, когда поняла очевидный факт.

Меня продали. В который раз.

– Нет! Я не сдвинусь с этого гребанного места! Ты видел его?! Видел его глаза?! Он же сожрет меня и косточки проглотит! – Ясин пришел попрощаться со мной, но я молчать не стала. Он мне больше не хозяин.

– Ты забыла, с кем ты разговариваешь, Леа, – Алмас схватил меня за левую руку, которой я активно размахивала. Другой я смела с туалетного столика все его чертовы подарки, и десятки пузырьков, усыпанных камнями, разбились о пол.

В комнате повис тяжелый запах арабских духов – запах жасмина, пряностей и восточных специй.

– Он просто мужчина, который положил на тебя глаз. Все они хотели тебя, свет мой...

– НЕ СМЕЙ НАЗЫВАТЬ МЕНЯ ТАК после того, как ты пообещал ему меня, как товар! – я даже прикрикнула на шейха. Если бы меня видела хотя бы одна из его жен, которые вылизывали ему пятки, у них бы волосы на теле дыбом встали.

– Прекрати истерику, Лейла! Ты и есть товар! – гаркнул он, дергая меня. – Он просто жаждет твоего тела. Девушки надолго в его постели не задерживаются. К тому же любому мужчине просто необходимо чувствовать желание девушки...а у тебя с этим проблемы. Увидит, что ты черствая внутри штучка, и выпустит тебя. Вот и получишь ты долгожданную свободу. Даже жаль отдавать тебя, зная, что это тоже, что добровольно освободить тебя...

Мои губы дрожали, я глядела в смоляные глаза шейха, но видела там только легкую печаль – такая бывает, когда разбиваешь любимый телефон или теряешь пятьсот долларов. Грустно, неприятно, но не смертельно. Любую вещь...можно заменить.

И меня тоже.

– Ты такая красивая, – выдохнул он, но его слова о моей внешности уже стояли у меня поперек горла. Я начала вырываться из его рук, не собираясь прощаться с этим иродом, который подписал контракт о моей продаже.

Почему? Как я дошла до такой жизни? Чем была та самая точка отсчета, когда все пошло наперекосяк?

– Хоть ты и не трогал меня, Ясин. Ни разу с тех пор, как понял, что со мной ничего не выйдет...ты все равно был тем, кто лишил меня свободы. Взял в плен...

– ТЫ САМА СОГЛАСИЛАСЬ, ЧЕРТ ТЕБЯ РАЗДЕРИ! Не надо искать во мне Дьявола, я не плохой человек.

- Все было не так! Если бы не моя семья...

- Ты пожертвовала собой ради своей семьи. Ты искупила свою вину перед ней и помогла им зажить нормальной жизнью. Эти два года ты жила во ДВОРЦЕ...

- В клетке! В гребанной клетке! Я не живу, а существую!

- Привыкай, моя милая, Лейла. Ты хотела легкой славы, выстраивая свою карьеру, разоблачая слишком опасных людей. И ты за нее поплатилась. Теперь я вижу твое истинное лицо - ожесточенное, озлобленное, и понимаю, что маска улыбающейся дурочки, застилала мне глаза. И запомни мой совет: лучше носи эту маску и с Каем. Так куда больше шансов, что он не будет так жесток, как в слухах, что о нем ходят...потому что твой огонь будит во мне зверя. И мне нужно все мое самообладание, чтобы не взять тебя силой прямо сейчас, - Шейх наклонился ко мне ближе и прошептал это у моих губ.

Я не испытывала ни страха, ни возбуждения. Скорее удивление.

- Твоя женственность будит в мужчине любовь, но твоя злость - похоть, с которой совладать очень трудно, - он произнес это сквозь сжатые зубы, его руки легли на мои плечи, и он до боли сжал их. - Имей это в виду, иначе не пройдет и месяца, как я узнаю, что мой прекрасный цветок завял. Если не погиб, - дал последнее наставление он и откинул меня в сторону - вот оно, прощание с «любимой вещью».

Слова шейха о Кае заранее запугивали меня, а ведь это было не так просто сделать.

Я не должна поддаваться глупому внушению. В конце концов он просто человек. Обычный мужчина с манией величия и целым миром в своих руках. Ничего сложного...обвести его вокруг пальца...заставить меня отпустить...правда?

Нет.

- Я НИКУДА НЕ УЙДУ! - истерика охватила все мое тело, когда до меня окончательно дошел смысл слов Ясина.

«Прекрасный цветок. Завял. Погибнул. Месяц.» – эти слова вспыхивали в моем мозгу, подобно красным огням светофора.

– Мне туда нельзя! Умоляю, господин, помогите мне! – умоляла я, сложив руки вместе.

С каждой секундой шейх становился все более уставшим и раздраженным. Однако это не могло скрыть его возбуждение, и его «американское» облачение, обтягивающие эрекцию брюки, пиджак и рубашка, не скрывали этого.

Его заводит моя истерика? Что?!

– Тогда поклонись мне, – коротко ответил он, и я опустилась на колени – быстро и без труда, как делала уже много раз. Я не чувствовала стыда и унижения. Я смотрела на шейха, как на своего брата или друга. Я быстро заморгала глазами, чтобы сдержать слезы.

– Ты опять не покорна. Твой взгляд на меня...он только ранит меня. Так женщина не смотрит на мужчину. Поэтому...я не буду за тебя бороться, – губы шейха шевелились медленно, казалось, целую вечность, когда он окончательно огласил свой вердикт.

Я не хотела в это верить. Он словно пинком выгоняет меня из дома в ад.

И тут я начала сходить с ума – все, что попадалось мне под руку, я крушила и ломала, сметая подарки шейха на своем пути. Я била подушки, кидала их в Ясина и кричала...

Шейх хлопнул в ладоши, и в комнату вошла его охрана. Это было уже предательство.

Выгонять меня так...

– И запомни: будь послушной девочкой, Лейла, – это все, что сказал мне Ясин, прежде чем мою вену пронзила быстрая и острая игла.

Я даже не успела понять, что произошло.

Вот я в последний раз вглядываюсь в черные глаза Ясина, а через секунду – ударяюсь головой об пол, теряя сознание. В полудреме я чувствую на себе несколько пар мужских грубоватых рук и понимаю, что судьба не устает проверять меня на прочность.

Да только, если до этого дня, я была птицей в золотой клетке, то теперь кем буду я? Птицей на поводке, которую хозяин выдрессирует для своего удовольствия.

Глава 3

Лейла

Ко мне прикасалось множество рук – это все, что я помню, пока пребывала в состоянии полусна и забвения. Я не хотела верить, что все это происходит на самом деле, и даже из плена, но «нагретого гнездышка», меня кидают в неизвестность.

Уже кинули.

«Товар» требовал тщательной обработки и проверки. Это я поняла, когда почувствовала, как мне снова воткнули шприц в вену.

– Успокойся, – я всхлипнула, находясь в апатичном состоянии. – Мы берем у тебя кровь, чтобы проверить, все ли с тобой в порядке.

У меня не нашлось сил для ответа. Сквозь закрытые веки я не видела, где я, что я, куда меня везли (я чувствовала, как меня кидало в машине из стороны в сторону, а значит меня точно уже куда-то забрали).

Я помню вспышки острой боли меж моих бедер и подмышками. На ногах. Микровзрывы на своей коже.

Помню теплую воду, которая касается моего тела, и женские руки.

Помню, как кто-то одевает и раздевает меня, словно куклу.

Моет, делает мне депиляцию во всех частях, где наблюдается хоть малейшая лишняя растительность. В рабстве у Ясина я постоянно проходила эту процедуру.

Разве у куклы есть волосы где-то кроме головы и век?

Я осознала все это, когда пришла в себя по-настоящему. Проснулась, чувствуя холодный воздух на своей обнаженной коже.

Обнаженной.

Я абсолютно голая.

Я ожидала чего угодно – темной темницы, камеру пыток, комнату боли с игрушками для извращений.

Но когда я открыла глаза, всего этого не было. Моя комната была прекрасной.

Я села на кровати, чувствуя боль от того, что все волосы на моем теле (кроме головы) беспощадно и не самым безболезненным образом выдраны. Мои же длинные волосы тщательно расчесаны и распущены – кончики подровнены и пахнут вкусным цветочным шампунем.

Все ясно. Кай Стоунэм больной перфекционист. Маньяк. Коллекционер.

Как иначе еще объяснить то, что он отшлифовал меня до глянцевого блеска? Неужели желанием позаботиться обо мне?!

Все еще с туманом в голове я оглядываюсь по сторонам. Довольно просторная комната с большим окном, плотно закрытыми шторами. Холодный воздух, что разбудил меня, исходит от кондиционера.

С надеждой на то, что Стоунэм живет не на сотом этаже, я подбежала к окну и распахнула шторы темно-синего цвета с серебряным узором, и чуть не завывала от отчаянья.

За окнами...не было вида. Оно замуровано железной пластиной, и с солнечным светом я могу благополучно попрощаться.

Я даже не знаю, где я. В каком мы городе? Может, пока я была без сознания мы летели на самолете? В Америке ли я вообще? И если мы за границей, то как он перевез через границу тело, к тому же без документов?

Реальность такова, что у меня уже давно нет паспорта. Прав. Страховки. Я букашка, которая не имеет право посягать на свободы человека.

И как я могла это терпеть? Во имя чего?

Где-то в глубине души раздался тихий скрипучий голосок, напоминающий мне: ты знаешь во имя чего.

Я продолжила изучение комнаты, ежась от холода. Причины, по которым меня раздели и не одели обратно, были мне непонятны. А те, что приходили на ум...пугали.

Между ног я чувствовала легкий дискомфорт. То ли от депиляции, то ли от чего-то другого...

Зачем?

– Больной, – выплонула я, цепляясь руками за одну из подушек на своей кровати.

Сатиновая ткань заскользила под моими пальцами, переплетаясь с бисером. Как и все в этой комнате, она была явно продумана до мелочей. Современность перекликалась с элементами востока, к которым я так привыкла: насыщенный синий цвет мебели с серебряной отделкой, а под ногами мягкий бежевый ковер.

Комната была красивой, но холодной и неудобной. Она пустовала годами, прежде чем меня поместили в эту роскошную коробку. Все еще пребывая в туманном состоянии, я присела на кровать и заглянула в прикроватную тумбочку – просто так, от нечего делать.

Я думала тумбочка окажется пустой и сначала даже обрадовалась, когда открыла загадочный ларец с «подарками». Радость моя улетучилась, как только я увидела сверкание холодного металла на деревянном дне.

Наручники.

По моей пояснице пропорхал холодок, и я поежилась, обхватив себя руками. Очень холодно. Как выключается этот гребанный кондиционер?

Что будет со мной дальше? Рано или поздно сюда же кто-то придет? Не будут же они морить меня голодом, раз уж поместили в такие условия?!

И что делать тогда? КАК ВЫБРАТЬСЯ? Это мой шанс. Шанс вернуться к своей жизни. Искоренить Лейлу изнутри и навсегда забыть о том, что я вообще когда-либо была рабыней.

Но наручники оставляли мне мало надежды на спасение. Один их вид заставлял меня вспомнить то, как подобные одели на Мейсона и посадили в полицейскую тачку. Он был весь в чужой крови, а я и слова не могла вымолвить от страха, пока из меня вытрясывали хоть малейшую информацию о случившемся.

Эти наручники были другого характера. Они явно предназначались для...игр.

Ком в моем горле нарастал. Рядом с наручниками я обнаружила длинную и толстую атласную ленту серебристого цвета.

Моя рука наткнулась на что-то скользкое, и когда я достала это, я чуть не обомлела. Штуковина, которую я держала в руке, очень напоминала размером и формой...гигантский огурец. Черт возьми, это бутылек со смазкой. Или с маслом.

Лучше бы это было масло, хотя разницы никакой нет. Я захлопнула тумбочку, не желая заглядывать в остальные ее отделы.

Окончательно озябнув, я посмотрела на шкаф, решив заняться поиском одежды. Он был огромен, а зеркало во всю дверцу и вовсе заставляло его слиться с комнатой.

Подойдя к своему отражению, я ужаснулась. Сгибы моих локтей были покрыты синяками и одноразовыми пластырями – воспоминание-вспышка о том, что у меня взяли кровь, объяснило отметины.

На моем теле остались небольшие следы от грубых пальцев – видимо я все-таки вырывалась, когда меня несли. С ужасом подняла руки и обнаружила, что мне действительно сделали эпиляцию.

Я провела рукой по своей гладкой коже...ни единой шероховатости. Такое чувство, что меня и кремом намазали.

От этой мысли я окончательно окоченела. Кто я, черт возьми, по его мнению? Марионетка? Кукла?

Кто-то дотрагивался до меня руками, пока я была без сознания. Что если...?

Меня и девственности могли лишить. От куда эта болезненность между ног?!

И неужели я могла бы забыть о том, как со мной это сделали?

Что-то мне подсказывало, что эта мысль, от которой меня только тошнило, была ошибочной. Нервно сглатывая, я опустила руку меж своих ног и окончательно поняла, что я была абсолютно гладкой везде. Как будто там и вовсе никогда не было волос. Везде, абсолютно везде, каждый дюйм моего тела был вылизан профессионалами.

Прежде я ничего особо не чувствовала, когда дотрагивалась до себя. Только то, что могла спокойно подавить, задушить и забыть об этом. Но сейчас...от холода мои соски встали и напряглись, став чувствительными даже к воздуху. Он ласкал мое тело...

Со злостью я распахнула дверцу шкафа, оглядев содержимое.

Ничего не понимаю.

Красивая одежда, дорогие бренды. Может, я не права, и Стоунэм решил все-таки освободить меня? Иначе зачем такой уход? Это совсем не похоже на изощренную месть, которой я так ждала.

Я думала, он поместит меня в темный чулан и будет кидать мне на пол булки хлеба. А я буду подбирать их, чтобы не умереть от голода.

Все было так аккуратно разложено по полочкам – белье разных цветов от моего любимого бренда. Когда-то я не могла позволить себе даже смотреть на такие вещи. А теперь они были на расстоянии вытянутой руки. Ясин тоже не баловал меня особыми подарками – ради жен. Он проводил четкую черту между ними и рабынями, и всех истинных почестей удостоивались его настоящие женщины.

Платья, чулки, домашние шелковые халаты – всего по чуть-чуть, но так, чтобы был выбор. И все таки нижнего белья здесь было куда больше, чем одежды...

Никаких джинсов и футболок.

И ни одного спортивного и хлопкового лифчика! Все кружевное, в основном черного и красного цветов.

Это не радует. Это пугает.

Стало даже смешно. Любая бы другая девушка на моем месте, наверное, думала бы, что это сладкий сон...но не я.

Наконец, я оделась – выбор повседневной одежды был скуден, поэтому я одела на себя белье и платье бельевого типа, и халат – для надежности. Будь моя воля, я бы одела шубу, да только она бы вряд ли защитила меня от холодного взгляда мистера Стоунэма.

И что дальше? Только этот вопрос не давал мне покоя.

С надеждой я потянула входную дверь на себя, но меня тут же шарахнуло от пронзающего тело звука сигнализации. Дверь изнутри не открывалась. Я

заперта в красивой коробке. Уж лучше темница. Ведь горькая правда, всегда лучше сладкой лжи...

Пытаясь успокоиться, я уселась на кровать и начала ждать. Мое сердце пустилось вскачь, пока я выжидающе смотрела на дверь. Ближайшее время кто-то ворвется сюда и расскажет мне(я надеюсь), что я здесь делаю. И я не была уверена в том, что это что-то хорошее и безопасное для моей души и тела...

Спустя час мучительного ожидания ко мне так никто и не пришел. Возможно, я была здесь одна. Может меня снимали скрытые камеры, и я была участницей нового шоу для Стоунэма. Я понятия не имела, чего мне ждать и как мне разговаривать с ним или с другим человеком, который ко мне явится.

Не хотела бы я вновь увидеть этого монстра. Что-то подсказывало мне, что у Кая могут быть садистские наклонности, учитывая то, что у него явно есть мания к неограниченной власти и то, какой девушкой была его жена.

Была...

Внезапно свет в комнате стал более приглушенным и я услышала слабый щелчок – входная дверь открылась.

Это не он. Это точно не он. Такой занятой человек не мог снизойти до того, чтобы явиться ко мне и навестить первым.

Я все еще лежала, глядя в потолок, прислушиваясь к шагам. Трудно было разобрать, кто пришел...

– Сядь, – короткий и тихий указ, больше напоминавший мне шипение змея-искусителя.

«Будь послушной девочкой, Лейла.» – вспомнила я слова Ясина и выпрямилась на кровати, инстинктивно обхватив свое тело руками.

– Только попробуйте дотронуться до меня! – сорвалось с моих губ прежде, чем я успела осознать то, что ляпнула.

Как жалобно, как по-детски звучали мои слова.

Я старалась не смотреть в глаза мужчины, но в порыве гнева пришлось все-таки взглянуть в его глаза. А потом я замерла, разглядывая их.

Вот оно – зеркало этой темной души, однако сейчас они были несколько другими...не такими, какими я увидела их в большом зале. Зеленые хамелеоны и карее пятно на одном из глаз сразу же обращали на себя внимание, даже при такой освещенности. Его взгляд был прямым, открытым. Источал мужество и уверенность в себе. Не было сомнений в том, что это был первый мужчина в моей жизни после Ясина, кого бы я могла посчитать сильной личностью.

– Я не ш-шучу...прошу, не трогайте меня, – уголок губ Кая немного пополз вверх, он склонил голову набок – казалось его позабавило то, что я была уверена в том, что он желал меня трогать.

Все они от меня этого хотели. К тому же, судя по тому, какую косметическую чистку надо мной провели, он явно не звезды сюда со мной пришел считать.

Если прибавить все слухи, что я о нем слышала...я сделала правильно, что приняла оборонительную позицию, несмотря на его «теплый» прием.

– Положи руки на колени ладонями вверх. Расправь плечи, – его губы шевелились медленно, он словно растягивал каждое слово, пытаясь ввести меня в транс. От его голоса в сочетании с неотрывным взглядом у меня закружилась голова.

Да кто он такой? Думает, я буду двигаться по его указу? Точно за куклу меня держит.

Но Кай уже прочел все мое возмущение по лицу и вскинул бровь, нахмурившись – выглядело это угрожающее, поэтому я послушалась.

Выпрямила спину, положила руки на колени, чувствуя себя глупо. Зачем ему это?!

Мой взгляд непроизвольно заскользил по телу Кая: все началось с его рельефных ключиц, они были хорошо видны мне, так как идеально отутюженная черная рубашка была расстегнута на верхние пуговицы. Я начала опускать взгляд ниже, оценивая его рельефы, проступающие через неплотную ткань...

– Смотри в глаза, – снова произнес он, и я чуть не подскочила от неожиданности.

– У нас что, сеанс гипноза? – отчеканила я, мечтая, чтобы он стоял достаточно близко ко мне, чтобы я смогла плюнуть в его самодовольное лицо. Чертовски привлекательное лицо, которое просто не может принадлежать столь нехорошему человеку.

Хорошо, что моя статья не дала ему стать сенатором. Иначе страной бы управляли вот такие психи.

Кай прищурил веки и вновь ухмыльнулся.

– Что я здесь делаю? Вы можете отпустить меня?!

– Отпустить? О, нет. Я слишком долго ждал нашей встречи, мисс Харт, – я чуть не заскулила, когда он одним словом выстрелил прямо по сердцевине моей души. Назвал мою фамилию. Прежнюю фамилию. – Точнее, Лейла.

– Я не сделала вам ничего плох...

– Рот свой закрыла! – рявкнул Кай, а его глаза заволокла пелена ненависти.

Я чувствовала, что могла бы продолжить говорить, но не стала. Игры с огнем влекут ожоги на всю жизнь, а мне итак хватило такого «ожога» от Ясина. И все же...сегодня Кай был немного другим, чем тогда, когда я увидела его в прошлый раз. По крайней мере, от него не исходила невероятная энергетика дьявола и зла, как мне показалось вначале.

Опасность – да. Серьезная опасность? Очень. Но опасность, как от человека, а не беспощадного чудовища.

Эти ощущения показались мне странными.

– Он не солгал... – будто самому себе сказал он и сделал несколько шагов вперед. Я напряглась всем телом, спружинилась, съёжилась, но продолжала сидеть в открытой позе, в которую он усадил меня двумя словами.

Его пальцы легли на мой подбородок в уверенном диктаторском жесте. Уверенном и властном. Кай сжал его до ломоты в костях и произнес:

– Ты, и правда, девственница, – слова, сказанные скорее с удивлением. Утвердительно.

Конечно, ведь ты нашел способ засунуть мне гинекологическое зеркало, пока я спала, урод.

Он потянул мой подбородок на себя, заставляя кожу на шее болезненно натянуться.

– Почему шейх не поимел тебя за все это время? Есть только два ответа на этот вопрос. Он трахнул тебя в задницу?! Или ты сухая, как бревно?

Я хотела что-то возразить, оборониться от его похабных вопросов, но мои руки потяжелели и будто приклеились к коленям, а язык прилип к небу.

– Не прикасайтесь ко мне, – только и смогла пропищать я, сама не понимая, куда делась вся моя «магия», которая обычно дурманила мужчин. Я привыкла, что меня боготворят.

В моих мыслях произошел целый разлом устоявшегося стереотипа. Даже Ясин смотрел на меня с уважением, а этот... в мое сердце начали проникать острые иголки, пробудившие в нем прежде незнакомое чувство. Страха. Несправедливости. Удар по собственному и без того замученному эго.

– Скоро ты будешь умолять меня о том, чтобы я к тебе прикоснулся, – я смотрела на его губы. Верхняя – четко очерченная, нижняя – полнее. Слегка покусанная...и уверена, не им. – А вот я не уверен, что люблю трахать бревна. Херовый ты подарок.

Я открыла рот, чтобы закричать, возмутиться и вообще сделать хоть что-нибудь, но он вставил большой палец меж моих губ.

– Молчать. Ты говоришь, только когда я спрашиваю. Сегодня.

– А не то, что? – все же вырвалось у меня, и его палец тут же глубоко ворвался в мой рот. Кай заскользил им по моему языку...и это вторжение в личное пространство просто перешло всякие границы.

Хотя, о чем я? На тот момент я еще не знала, что такое «настоящее вторжение в мое пространство от Кая Стоунэма».

Мои слова превратились в мычание, и мне безумно захотелось откусить его чертов палец, но я просто боялась, что в ответ он сожрет мое сердце и не подавится.

Или ударит. Физическая боль пугала меня, слишком ярко были воспоминания из прошлого.

А удар такого сильного мужчины может довести и до беспамятства.

Я же должна быть хитрее...я же...ведь все же...я же, черт подери, красивая, почему он так позволяет себе обращаться со мной?!

– Леа, дорогая, – почти пропел Кай, уничтожая меня своим взглядом. В стеклянных нечитаемых глазах я могла видеть свое отражение – образ крошечного, трясущегося от страха существа. – Последствия твоего непослушания могут быть разными. Я очень...быстро выхожу из себя. Ты и не заметишь.

– Помнится, ты разрушила мою политическую карьеру за один день, или сколько времени тебе понадобилось на твою убогую статью?! Но я не буду так

благосклонен к тебе. Я буду разрушать твой мир медленно, отрывая по кусочку, – безумие, отразившееся в его взгляде, напугало меня куда больше, чем его слова.

Я попыталась сглотнуть, но его палец глубже проник в мое горло. Он хотел, чтобы я давилась.

– Соси его, – в его выдохе была такая похоть, от которой все внутри меня болезненно сжалось. Незнакомое чувство. И оно...неприятное. Потому что новое.

А потом все стер стыд. Унижение. Я почувствовала кровь, прилившую к щекам и отрицательно покачала головой. Но Кая это только подстегнуло.

– Ты дорого обошлась мне, шлюшка. За тебя я простил этому идиоту такой долг, какой тебе в жизни не выплатить. Поэтому будь послушной девственницей, иначе ты вообще потеряешь всякую цену. Девственница ты бракованная конечно, но я всему тебя научу. Скоро ты будешь раздвигать ноги по щелчку моих пальцев.

Я снова отрицательно помотала головой. Попытаться говорить было бесполезно. Его палец шевелился у меня во рту, и только я подумала о том, что это похоже на...

– Видимо, ты не понимаешь по-хорошему, – я услышала позвякивание ремня и звук открывающейся молнии. Страх наверняка отразился в моих глазах, потому что из легких Кая вырвался глухой и злорадный смех. Я поняла, что он собирается сделать. Вставить мне в рот, но уже не большой палец. Кое-что намного больше.

Боже. Психопат! Верните меня в мою дорогую золотую клетку! Хоть на всю жизнь! Лишь бы не к этому...

К своему стыду я начала сосать его палец. Как быстро он укротил меня. А потом я впервые за долгое время почувствовала, как слезы прорывают плотину внутри меня, душат, просятся наружу...

– Итак ты – девственница, – взгляд повелителя. – Но наверняка ты пробовала член на вкус. Соси! Продолжай, продолжай, сучка...это все ради твоего же блага.

Я уже не понимала, что происходит. Это не было физическим насилием. Пока не было. Он не бил меня, не насиловал. Он решил пропустить эту «прелюдию» и сразу стереть то, чем я всегда так дорожила – гордость, чистую женственность и непорочность.

Что-то темное, то, что отвечало за мои непрошенные и страстные сны на секунду очнулось во мне, но я быстро прогнала это из своих мыслей.

Это что-то проснулось, когда он неслышно, с томной хрипотцой произнес «член на вкус».

Гадость. Гадость. Гадость...то, что он говорит – гадость! Как это может заводить? А его заводит.

– Кивни, если да.

Я отрицательно покачала головой, продолжая сосать. Чудовищно. Еще чудовищнее то, что его палец не вызывал у меня необходимого отвращения.

Когда дружок Мейсона прикоснулся ко мне, я уже учуяла его неприятный запах, от которого была готова вытошнить все содержимое своего желудка. Кай же был «чистым». Снаружи. Ухоженным. Деньги позволяли, а положение обязывало выглядеть идеально.

Но никакой косметический ремонт, не может очистить его темную душу – это я почувствовала сразу.

– Хм, значит совсем неопытная. Про задницу тогда спрашивать не стоит. Ты краснеешь даже от самых скромных вопросов...это интересно. Как и то, что ты девственна с таким-то личиком. Как и то, что ты довольно холодна.

Кай наклонился ближе к моему лицу и высунул палец из моих губ, слегка хлопнув им по языку напоследок. Я наконец-то вдохнула полной грудью,

чувствуя, как во рту скопилось слишком много слюны.

Зеленые глаза словно всю душу из меня вытягивали. Потихоньку, по капле, Кай доставал из самых тайных уголков моей уши все секреты, читая меня, как открытую книгу.

– Вы же гребанный конгрессмен, – не удержалась я, понимая чем чревато мое «вяканье». Его штаны по-прежнему были расстегнуты и даже приспущены...я могла видеть серую полоску боксеров, плотно прилегающую к его коже. Кай стоял так близко, что я могла видеть короткие волосы в самом низу его живота и вздувшиеся вены...

Это уже слишком интимно. Меня бросило в жар. Впервые в жизни меня бросило в жар рядом с мужчиной, но то была белая горячка, порожденная страхом.

– Это незаконно! Я человек! У меня есть права и свободы! Вам за такое грозит.., – но договорить я не успела, потому что Кай опять хлопнул по моим губам – не сильно и больно, но достаточно, чтобы я прикусила себе язык и снова оказалась в болоте из унижения.

– Блядь, ну, хватит болтать, – нервно процедил Кай. Его явно раздражало то, что кукла не просто бракованная, так еще и с неудобной функцией разговора. – Я не насильник, но ты вынуждаешь меня заткнуть твой рот. Поэтому ничего лишнего. Просто отвечай на вопросы. Сухую телку трахать неприятно, но твой ротик...он влажный всегда, – моя душа ушла в пятки от грязи и пошлятины, которые он на меня выливал.

Я не насильник. Только настоящий насильник будет отрицать это.

Я почувствовала это внезапно – все мышцы внизу живота на миг болезненно сжались и тут же расслабились.

Я не помнила, чтобы такое бывало со мной прежде.

– Прекрати...зачем я тебе здесь? Что вам нужно? Вы будете бить меня? Издеваться? ЧТО? – мне не хотелось выглядеть беззащитной и слабой, но сейчас я была, наверняка, именно такой. Маленькой. Раздавленной. Уже побитой двумя

годами рабства. Может, прежняя я бы уже давно ударила ему по яйцам, но я сегодняшняя не могла этого сделать. Не сейчас. Боюсь, его реакция будет слишком болезненной для меня.

– У меня свое мнение на счет того, что такое «бить». Шлепок по заднице считается битьем по твоей шкале? Ах, да, тебе это не знакомо, однако на дне твоих глаз я вижу похотливую девочку. Я люблю срывать с таких, как ты, «шкурку» и добираться до сути... – его голос почти утих, а потом Кай вскрикнул, заставив меня затрястись. – РАЗДВИНЬ НОГИ. Давай, давай, раздвигай.

Он резко откинул меня на кровать, я ударилась о мягкие простыни и задергала ногами, обороняясь от него, но Кай схватил меня за лодыжки и скрутил их так, что из моего горла раздался истошный визг.

Мужчина зафиксировал мои ноги на месте, и ровно через секунду я почувствовала, как его колено упирается мне меж ног – халат и платье задралось, и я отчетливо чувствовала, как моя задница и бедра горят от соприкосновения с его твердым коленом.

– Не надо...прошу, не насилуйте меня! У меня...никогда... – я готова рыдать во весь голос, но вместо этого раздаются лишь жалобные звуки, похожие на стоны. Судя по одержимому выражению лица, Кая только больше заводит мое сопротивление, но и добровольно сдаться я не могу. – Не было! Прошу, пожалуйста...перестаньте!

– Думаешь, я насильник?

Он опять это сказал.

ДУМАЮ? Я чертовски в этом уверена!

– Я люблю секс, девочка. Грязный, животный секс, – он обхватил мою шею, нависнув над моим лицом. Его теплое дыхание, его запах – каждая доступная внешнему миру частичка Кая проникла через поры на моей коже.

Это как удушающий газ, как яд, медленно проникающий в твой организм. Я вдохнула аромат его тела...

И, черт возьми, не почувствовала того, чего хотела.

Я ожидала того запаха из моих воспоминаний. Паленого пива, дешевых сигарет, гнили...но ничего этого не было.

Кай пах уверенностью. Его кожей, его потом, кровью, его телом и каким-то тяжелым пряным ароматом впридачу. В общем...он пах, как уверенный в своей неотразимости, ухоженный и шикарный мужчина.

Таким он и был для многих окружающих. И лишь я теперь знала о том, что все мои догадки в моих же статьях были правдой.

– Секс, от которого темнеет в глазах. Мои девочки надрыдают свой голос до хрипоты, а я почти глохну от их криков и стонов, – я была не в состоянии двигаться и что-либо говорить. Все, что мне оставалось, это дышать и слушать. Он потер твердым коленом о внутреннюю поверхность моих бедер и продолжил, – Люблю, смотреть, как девочка извивается подо мной, в беспомощности выкрикивая мое имя. Просит грубее. Просит быстрее. А они этого просят...думаешь, я стану трахать тебя? Холодную куклу?

Он усмехнулся. От его слов стало еще обиднее, но представив картину того, как этим девушкам хорошо...так, как Кай говорит, я закусила губу, чтобы сдержать свой тяжелый выдох.

Это не укрылось от его взгляда.

– Но не все так страшно. Ты не безнадежна. Должна же ты хоть чего-то стоить, – когда его палец лег на кружево моих трусиков, поддел их и начал проникать внутрь, я замахнулась на Кая. Он быстро поймал мое запястье в воздухе и прижал к собственному рту.

– Сука, не распускай свои руки. Раньше времени, – он изучал самую интимную часть моего тела, которую никто прежде не трогал. – Значит тебя пытались изнасиловать.

Но я не говорила ему этого! Я конечно была известной личностью, но не настолько, чтобы эта часть моей жизни стала известна публике.

– Можешь не отвечать. Я и так все вижу. За тебя говорят твои глаза и...киска, – последнее слово он произнес почти с нежностью. С похотью. И с желанием.

Мой живот предательски запульсировал. Живот?

Какого черта. Что за жуткое чувство, неподдающееся контролю?!

– Неудачный опыт заблокировал все твоё желание, хотя, прежде ты была горячей штучкой. Маленькая, обиженная, девочка...все ясно, – несмотря на ласковую терминологию, от каждого слова исходила явная угроза.

Лучше бы он грубил. Лучше бы он бил. «Сучка» из его уст звучало куда непринуждённее и проще, чем туманное и сладкое «маленькая девочка».

– У возбуждения есть вкус, Лейла. И сейчас ты его попробуешь. Все, как и в начале нашего урока. Соси, – он быстро достал из меня палец и с силой затолкнул в мой рот.

Его указательный палец был влажным. Слегка. Я почувствовала нейтральный солоноватый вкус и захотела откусить к черту его гребанный палец!

В этот момент я мечтала только об одиночестве и зубной щётке. И о том, чтобы вернуться в своё обычное состояние. Чтобы дыхание вновь стало ровным, а сердце не стучало с такой небезопасной скоростью.

Оно разрывало грудь. Громыхало внутри, и, я боюсь, даже этот звук не оставил Кая без внимания.

– Вот так, молодец. Так сильно боишься моего члена, что с таким усердием сосешь палец? – Кай тихо засмеялся, и к своему ужасу я увидела почти доброе выражение на его лице, которое тут же сменилось непроницаемой маской.

«Человек-настроение» – это будет мягко сказано.

Унижение в моей крови достигло апогея. Больше молчать я не могла.

Забрыкавшись, я сжала свои зубы на его коже, в полной мере ощутив под своими зубами твердость. Отлично, прокусила до кости. Так и надо этому отморозку!

Счастье было не долгим.

Кай не издал ни звука, я и пикнуть не успела, как его рука легла на мою шею, и он плотно впечатал меня в матрац.

– Слушай внимательно, шлюшка, – выдохнул он озлобленно. – Ты, чертова шлюха, которая досталась мне за один долг. Единственная причина, по которой я взял тебя, месть и желание уничтожить тебя. Как я это буду делать – это уже не твое дело, но одно ты должна уяснить точно: ты должна жить по моим правилам и делать то, что я тебе говорю. Если я говорю, оденься красиво и спустись к ужину, ты это делаешь. Если говорю, раздвинь ноги, как потаскуха, ты тоже это делаешь. И ты ценишь то, что я тебе даю: эту комнату, эту одежду, еду, которой будут тебя кормить. Иначе, я продам тебя одному работорговцу, которого очень обрадует твоя гребанная девственность. И тогда ты узнаешь, что такое настоящая боль в подвалах у вонючих работорговцев из Мексики, пока тебя не продадут какому-нибудь садисту, который будет самоутверждаться и вымещать все дерьмо на твоём теле...поверь, ты будешь считать меня мессией и молить о том, чтобы вернуться ко мне, если так случится...

Мой пульс беспощадно умирал от бега под его пальцами.

– Если я скажу, ублажи моих гостей, ты это сделаешь, и никакая девственность тебе не мешает в этом. Если я говорю, встань на колени и делай минет, ты отвечаешь, насколько глубокий. Поняла, девочка? – после его слов внутри у меня ничего не осталось.

Кай отпустил мое горло, слез с меня и отошел на несколько шагов от кровати. Он не собирался воплощать свою угрозу в жизнь.

– Мне кажется, или я вижу разочарование на твоём лице? Как видишь, я тебя не трахнул, – он игриво вскинул бровь, закусив внутреннюю сторону щеки. От этого его и без того рельефные скулы стали еще острее. – Мне нужно идти, Лейла.

Мне хотелось покрыть его последними грязными словами, плакать на его глазах и молить о том, чтобы он отпустил меня, о том, чтобы прекратил держать

человека в плену и пообещал, что никогда, никогда в жизни мне не придется стоять перед ним на коленях.

Перед Ясином это было так легко сделать. Унижения я не испытывала. Я знала, что могу управлять им. Этот же кадр, совершенно не поддающийся дрессировке, он тот кто дрессирует сам.

Также я понимала, что все мои слова и мольбы будут бессмысленны, скорее всего Стоунэм «тронутый», и у него на все есть своя интерпретация.

Кто он? Политик и бизнесмен, который ведет двойную жизнь? Это же очевидно. На людях он жесткий, но справедливый. Естественно, делает все, чтобы люди любили его, но в то же время боялись. Все эти скандалы в прессе, все это, возможно, часть его игры. Я не знаю. Но у меня еще будет много времени подумать и по кусочкам восстановить всю информацию о Кае из памяти.

Кто же он? Владелец нелегального бизнеса и губитель вот таких невинных девчонок, как я?

– Что я буду здесь делать? Что будет дальше? – я старалась говорить спокойным голосом. Даже гордым. Истерика и слезы ни к чему не приведут, к тому же ПОКА он не нанес мне настоящего физического вреда. Только давит на последнее, что у меня осталось.

– Как много вопросов, – Кай провел рукой по ежику своих волос и быстро посмотрел на часы, которые стоили в несколько раз дороже квартирки, где я провела свое детство. – А ты отняла у меня много времени, – он глянул на меня раздраженно, будто это я заявила в его кабинет и отвлекала от дел. – Что ты будешь делать? Подчиняться. Все просто, чем больше ты подчиняешься, тем меньше у тебя проблем, – он направился к двери, будто потерял ко мне всякий интерес. – Будь хорошей девочкой, и тогда...очень больно не будет.

А потом дверь хлопнула.

Кай исчез, растворился, оставив после себя только аромат туалетной воды.

Подобное со мной случалось лишь однажды в метро: я тогда ехала на работу, сонная и уставшая, и выглядела совершенно разбитой, как вдруг...почувствовала аромат мужской туалетной воды. И он был такой терпкий, но не навязчивый, настолько мужской, что хотелось просто уткнуться в плечо своего соседа по вагону и так и ехать на работу, вдыхая его запах.

Это был один из немногих случаев, когда мужчина вызвал у меня интерес. Но он вышел на следующей станции...

О визите Кая мне напоминал лишь мой похабный вид, съехавшие в сторону трусы и ощущение собственного вкуса на языке.

Я подбежала к двери и начала долбить ее кулаками, как не в себе, мои локти, костяшки пальцев и ладони – задействовано было все. Сигнализация сработала но дверь не открывалась. Ее нельзя было открыть изнутри.

Это клетка.

Со всеми удобствами для зверушки. Все, как полагается, для эксперимента. Туалет, место для сна, кондиционер.

Осознание того, что я в ловушке, в настоящей ловушке, как-то запоздало начало доходить до моего сознания.

Я разрушила его политическую карьеру. Это было почти четыре года назад...неужели он так долго вынашивал план мести? Почему не нашел меня сразу? Почему не подловил в метро или где-то еще и не похитил? Ведь Ясин нашел способ добраться до меня.

В голове было столько вопросов...мне просто необходима была ручка и листок, чтобы записать их. Это всегда помогало привести мне мысли в беспорядок и найти хоть какую-то логику в происходящем.

Ясно одно – спасена я не буду. И я действительно никогда не увижу ни своих друзей, ни родных, ради которых я стольким пожертвовала. У меня никогда не будет свободной жизни, а журналистка Мелисса Харт...исчезла с лица земли.

Мелисса там, внутри меня. В самом потаенном уголке сердца. И я буду беречь ее до самого конца.

Если Кай хочет меня уничтожить, то ему это не удастся – он будет уничтожать Лейлу, в то время как до настоящей меня ему не достать.

Глава 4

Лейла

Первое, что разрушает нас изнутри и заставляет разлагаться внутри живого и жаждущего жить тела – бездействие. Отсутствие развития.

У меня же когда-то были мечты. Цели и планы. Да, моя жизнь не была похожа на коробку шоколадных конфет: детство за гранью бедности, брат с трудным характером, который доставлял родителям кучу проблем в том числе самые крупные – со здоровьем. Еще в школе я решила любыми путями выбраться из этого дерьма, а когда осознала то, что в моей жизни все зависит только от меня, а не от количества денег на счету родителей, рванула вперед к призрачному, но такому манящему Олимпу успеха.

Я работала в магазине одежды, официанткой, мыла тачки старшеклассникам в бикини – делала все, чтобы заработать денег на университет. Стипендия помогла мне оплатить часть расходов, но остальную часть суммы пришлось копить годами.

Я нашла свое призвание в журналистике, но порой мне казалось, что это не я нашла свое дело, а оно нашло меня. Все вышло само собой, вот я – главный редактор школьной газеты, кропотливо собираю материал для статьи на первой полосе. Вот я – стажер в желтой газетенке, которую не особо любила. Ценили меня за умение из любой мелочи раздуть красноречивый скандал и повысить продажи издания. И вот я – стажер уже не газетки, а вполне приличного и известного журнала «New Yorker». Я всегда стремилась вперед, всегда

находилась в движении, всегда была вольна выбирать...

Но у меня отняли жизнь, когда отняли этот выбор. Заставив медленно и мучительно умирать от безделья и безысходности. Сначала – прислуживая шейху и его женам. Теперь – поместив в замурованную коробку со всеми удобствами.

Разве это не тюрьма?

Еду мне приносили раз в день сразу на целые сутки. Обычно я просыпалась от того, что Джозеф (мужчина представился дворецким) завозил мне тележку с едой и быстро закрывал за собой дверь, очевидно опасаясь того, что я совершу попытку бегства. Сначала я устроила забастовку и не ела, но так и не дождалась необходимого эффекта.

В остальном же я ничего не делала. И вот это по-настоящему сводило с ума. Неизвестность, бездействие, да и просто скука.

Иногда я терялась в пространстве, полностью погружаясь в себя, в некий астрал, где я представляла себя свободной. В этом трансе я гуляла по Центральному парку часами с чашечкой кофе или сидела в своей редакции. Каталась на велосипеде, наслаждалась любимыми хобби, просто встречала рассвет, как это бывало раньше. Когда моя фантазия иссекала, я садилась на подоконник и пялилась на железную пластину, закрывающую вид на окружающий мир. Я могла часами молотить по стеклу кулаками, но мне так и не удалось открыть его или разбить. Потом я начала просто скрести по поверхности окна ногтями до боли в пальцах и скрипа, словно оставленная на закрытом балконе кошка.

Кошки больше всего на свете любят свободу. Как и я...

Мне хотелось писАть. Мне хотелось, хоть чем-то заняться, пока я наконец не выдержала и не крикнула Джозефу в спину:

– Можно мне хотя бы ручку и блокнот?

Джозеф, а точнее Кай, который наверняка знал о том, чем я тут занимаюсь, а точнее не занимаюсь, услышал меня. Потому что на следующий день, мне принесли на подносе стопку книг.

Изменилось и еще кое-что. Обычно меня кормили просто, но питательно – курица с овощами, паста, картофель фри со стейком...я не испытывала любви к такой еде, моей слабостью всегда было сладенькое.

И вот мое меню изменилось. «Зверушку» начали кормить, как в ресторане – салат, горячее, десерт. Но десерт всегда был один – клубника или клубника в шоколаде. Все это подавалось очень утонченно и изысканно, словно я была важной гостьей, которой нужно угодить: на фарфоровом блюде с золотой каемкой, иногда в виде фондю.

Сначала мне это показалось подозрительным. Я чувствовала себя подопытным кроликом – Кай медленно начинает что-то менять в моей жизни и с наслаждением наблюдает за реакцией субъекта. Был ли в этом смысл? Определенно, нет.

– Ты проживешь так всю жизнь, очевидно. Не знаю, радоваться мне или плакать, – я сказала это самой себе. Разговор с собой вслух стал для меня обычным делом – если бы я молчала все две недели, я бы деградировала окончательно. А тут я могла и петь, и читать стихи – в общем хоть что-нибудь, чтобы ускорить ход времени. – Этот отморозок не заходил. И вряд ли зайдет, ведь он понял, что ты вряд ли дашь то, что ему нужно. Даже больной маньяк потерял ко мне всякий интерес и желание, и теперь просто держит меня взаперти. Прекрасно, Лейла. Твои мечты сбылись – ты живешь, как миллионерша, да только радости это не приносит.

Поосторожнее со своими желаниями. Им свойственно сбываться. Все оттенки этой фразы я уже испытала на себе.

Было и то, что действительно насторожило меня – книги, что принес мне Джозеф. Это были старые эротические романы. В основном исторические. Теперь мой день немного изменился, и кроме царапания окна и физической тренировки, которую я разработала для себя на полу, в мое расписание входило поглощение этих самых «бульварных» романов.

– «Я хочу тебя, Изабель.» – нежно прошептал Рональд, затаив дыхание у порозовевшего и распутившегося цветка ее плоти. Сжав ее аппетитные бедра в ладонях, он с нетерпением провел кончиком языка меж ягодиц и ловко проник им в ее истекающее желанием лоно. Девушка отреагировала на его ласку мгновенно – ее бедра дернулись, и прежде скромная Изабель начала бессовестно крутить задницей, напрашиваясь на жадные поцелуи своего искусителя. Он посасывал ее нежно, но быстро, и постоянно наращивал темп, не забывая помогать себе пальцами.»

Я со злостью закрыла очередной роман и съела еще несколько ягод. Когда я потянулась в вазочку за ними снова, она уже опустела. Я съедала столько ягод, сколько не ела их никогда в жизни.

Эти романы бы раздражали меня, и я никогда бы в жизни по своей воле не стала читать ничего подобного! НО! Делать было нечего, поэтому я пачками пожирала их, уже окончательно запутавшись сколько раз очередной богатый герцог изменил своей жене с шлюхой, которая ему не ровня, и в их примирениях...

Перед месячными моя грудь увеличилась, и я чувствовала, что во мне просыпаются какие-то странные чувства, которые в обычной жизни подавлялись мною на раз-два. Все дошло до такой степени, что, читая очередную ну очень горячую сцену, я возбудилась так, что покраснелась и почувствовала дикий неутолимый жар в теле.

Черт возьми, моя рука даже непроизвольно потянулась к белью. Гостей я не ждала, поэтому пришлось даже отложить книгу. С замиранием сердца я провела пальцем по краю тонкой кружевной ткани и тихо выдохнула...

Боже, ну, что я делаю. Неужели я какое-то животное, которое не может с собой совладать? Конечно я занималась этим несколько раз в жизни и даже доводила себя до оргазма, но особо ярких впечатлений не получила. Короткий спазм мышц, какое-то идиотское замыкание внутри всего тела, а потом...пустота.

Потому что рядом никого не было. Только я, пустая спальня и мое одиночество. Чувствуя себя в такие моменты еще более одинокой и обделенной, я перестала этим заниматься.

Одинокая. Навсегда.

А сейчас...это просто какая-то уловка Кая подсунуть мне эти пошлые романы. Зачем?! Думает, читая этот бред, я вдруг захочу этого парня, который лишил меня свободы и запер, как экспериментальную крысу? Ни за что.

Не вижу связи между Каем и этим придурком Рональдом из последнего романа.

Откинув в сторону роман, я облизнула пальцы, на которых остался вкус клубники, и уселась на ковер в позу лотоса.

Легкое возбуждение по-прежнему пело в самой сердцевине моего живота. Сделав глубокий вдох, я погрузилась в те воспоминания, которые действительно были ценными.

Я же писала эти статьи. И я до сих пор помнила почти каждую из них наизусть.

Flashback

. Событие из прошлого.

15.01.2022 газета «LIFE»

«Самый молодой конгрессмен США в истории Кай Стоунэм подрался с одним из популярных актеров Голливуда Джастином Блэком.

Оба вышеупомянутых персонажа встретились случайно в одном из элитных баров Нью-Йорка. Драка началась спонтанно. Увидев за соседним столиком Блэка, уже изрядно выпивший Стоунэм, мечтающий приложить свои кулаки к чьему-нибудь лицу, с угрожающим видом подошел к актеру.

По словам очевидцев у мужчин завязался разговор на повышенных тонах. Некорректное упоминание о политической карьере конгрессмена стало для жаждущего крови Стоунэма последней каплей. Блэк не успел понять, что происходит, как разъяренный политик толкнул его так, что тот едва не упал.

Ответ не заставил себя долго ждать.

Размахивание кулаками у барной стойки, моментально переросло в бойню на полу. Молодые люди оба знакомые с борьбой, яростно старались применить свои знания на практике. К счастью, большой крови удалось избежать – вмешались охранники бара. С трудом двум накаченным секьюрити удалось растащить упирающихся соперников по углам.

Совершенно очевидно, что на случившееся повлияло два фактора: первый – конгрессмен находился в неуправляемом состоянии, а мистер Блэк спровоцировал его. Второй – Блэк является бывшим возлюбленным жены мистера Стоунэма, которая недавно прошла лечение в дорогостоящей клинике. Девушку избили и по словам жены Стоунэма это было нападение.

НО ТАК ЛИ ЭТО? Теперь, когда мы прекрасно видим то, что многим полюбившийся конгрессмен может вести вполне двойную жизнь: улыбающийся и справедливый на публике, жестокий и беспощадный дома. В деле с избиением жены конгрессмена Лидии слишком много тайн – по ее словам нападение произошло рядом с загородным особняком Стоунэмов на Лонг-Айленде, а там, как всем известно, строжайшая охрана. Не был ли загадочным нападавшим сам мистер Стоунэм и не шантажирует ли он собственную жену? Девушка могла испугаться новой дозы насилия и прикрыть неуправляемого конгрессмена.

Напоминаю, что девушка была доставлена в больницу вечером четвертого декабря с многочисленными гематомами и ссадинами, со следами от удушения и сотрясением мозга. Снимки девушки прилагаются.

Однако вернемся к драке. Общество недовольно: люди начинают сомневаться в Стоунэме, но пока его рейтинг по-прежнему остается высоким. Как известно, Кай Стоунэм собирается участвовать в сенаторской гонке 2022.

Остается лишь один вопрос: что будет со страной, если у власти будут стоять ТАКИЕ люди?»

Мелисса Харт

15.02.2022 газета «LIFE»

«Кай Стоунэм – жертва или убийца?»

В ночь на 13.02.2022 жена самого молодого конгрессмена в истории США Кая Стоунэма, Лидия Стоунэм, скончалась от асфиксии в штате Флорида город Майами. Именно туда молодожены отправились отмечать свою годовщину и, по словам очевидцев, довольно неплохо проводили время, посещая тусовки жаркого Майами. Стоит заметить, такое поведение не приемлемо для политика. Напоминаем, что Кай Стоунэм не только миллиардер, бизнесмен, но и лицо, представляющее конгресс. К тому же он баллотируется в сенат, а в его интервью мы не раз слышали намеки, которые указывают на то, что он мечтает и стремится стать президентом США.

Таким амбициям, казалось бы, можно только позавидовать и пожелать конгрессмену удачи, но стоит ли? Да, Кай Стоунэм знаменит щедрыми пожертвованиями, благотворительной деятельностью, вложениями в экономику нашей страны. Он справедлив и общителен с народом, но в свете последних событий создается впечатление, что Стоунэм ведет двойную жизнь, и все его вдохновляющие речи и общение с людьми лишь игра на камеру.

Люди хотят видеть у власти сильных, зрелых и надежных людей, а Стоунэм, судя по всему, еще «мальчишка, не нагулявший в барах», и это не смотря на его возраст, тридцать один год. Также вспомним его недавнюю драку в баре и слитые в сеть фото с мобильного устройства, где человек, очень напоминающий мистера Стоунэма был замечен в сексуальной групповой связи с элементами игрушек для нетрадиционного секса. Однако личность подтвердить не удалось, как и достоверность этого фото.

Вернемся к Лидии Стоунэм. Молодая, прекрасная девушка, судя по всему, попавшая в лапы монстра – а как иначе можно объяснить то, что девушку избили у ее же дома при работающей охране? Дело явно темное, но смею предположить, что Кай приложил руку к ранам Лидии. Но под гнетом деспотии мужа Лидии пришлось приврать и скрыть правду от полиции. Других версий объяснить нападение в столь невозможной местности, как особняк Стоунэмов, у меня нет. Подумайте сами, как преступник мог ворваться на территорию, охраняемую вооружёнными секьюрити?

И вот случается то, что снова окутывает тьмой личность конгрессмена. Смерть Лидии. Подробности дела не известны, Стоунэм никак не комментирует ситуацию. Есть лишь показания персонала отеля, которые видели, как Кай и Лидия ссорились в холле – обычное дело между влюбленными. На камерах наблюдения мы уже видим как парочка страстно целуется в лифте и исчезает в

своем номере-люкс, где камеры не предусмотрены. Через пять минут Стоунэм выбегает из отеля и приходит туда только под утро, где и находит тело Лидии, которая лишила себя жизни.

Неизвестны так же и подробности знакомства конгрессмена и мисисс Стоунэм. Такая секретность, позволят о многом задуматься, не так ли?

История пока покрыта мраком, но мы обещаем, что будем держать вас в курсе дела. А я в свою очередь хочу, чтобы каждый из вас задумался, хотите ли вы видеть такого человека в сенате?

Мелисса Харт.

Глава 5

Лейла

Я сходила с ума в своей коробке. Продолжала терять разум. Мне казалось, я являюсь участницей бесконечного шоу-эксперимента, смысл которого заключается в том, чтобы проверить, насколько быстро можно сломать человека. Я стала заложницей некого «Шоу Трумана», где главная роль отведена мне.

Кай начал сдирать с меня кожу. Верхний слой моей защиты. Его цель – добраться до моей сути, надломить, максимально болезненно уничтожить.

Он, как серийный маньяк, будет ломать мне косточки и упиваться моей болью...так странно – ломать кости можно даже не прикасаясь к человеку.

Но пока, как я уже и сказала, он сдирал кожу. Скальпелем.

Я существовала только в своей голове. На какой-то миг меня начали одолевать галлюцинации, наверное после месяца пребывания в своей коробке.

Спасала только йога. Растяжка, спортивные упражнения, которыми занималась самостоятельно. И конечно «клубничная диета» и долбаные романчики. Я читала по роману в день и знала уже все сюжеты наизусть. Да я, черт возьми, уже сама была готова настрочить роман! Только дайте листок и ручку!

И когда я уже не рассчитывала на что-то хорошее и лежала на ковре глядя в потолок, считая мушки в собственных глазах, ко мне пришел шанс на спасение.

Дверь скрипнула...аккуратно и мягко. Сначала мне показалось, что мне снова все это мерещится. Или что это Джозеф принес зверушке очередной заряд топлива. Но дверь отворили снаружи, и был это далеко не дворецкий.

На пороге, держась за позолоченную ручку двери, стоял маленький ангел.

Крохотная девочка. Лет пяти, наверное. Огромные серые глаза, светлые, но яркие благодаря черной каемке вокруг радужки. Кто эта девочка? Дочь Кая?!

Как у такого чудовища могло родиться столь прекрасное создание?!

Девочка внимательно смотрит на меня, рассматривая с ног до головы.

Вдруг я замечаю, что девочка хочет войти в мою в комнату, и уже начинает отпускать дверь.

– Стой, малышка! – срывается с губ, я инстинктивно складываю руки в молебном жесте. – Не закрывай дверь...прошу. Выпусти меня. Куда ты идешь?

Девочка округляет глаза, глядя на меня так, словно я говорящий призрак.

– Вы такая красивая, – наконец произносит кроха, задумчиво теребя золотисторусую косу. – Я думала, что вы большая кукла.

Ты права, маленькая. Я кукла. Твоего папочки, на хрен. Ненужная кукла...

– Очень-очень-очень красивая! – восхищенно вздыхает девочка.

– Спасибо, моя хорошая, – ласково благодарю я, медленно вставая. Главное, ее не спугнуть. Вся надежда на этого маленького ангела. Она появилась здесь не случайно. – Можно я подойду к тебе? Куда ты идешь?

– Я иду в свою спальню. Подойди, – она улыбается, и не веря собственному счастью, я встаю на мягкий ковер, подбегаю к двери. С победным кличем в душе я оказываюсь...по ту сторону. По ту сторону своего эксперимента.

Я вижу дом Кая Стоунэма изнутри.

Судя по виду из окна, открывающемуся за панорамными стеклами, мы находимся на втором этаже. Мой взгляд невольно изучает стены и пригвожденные к ним огромных размеров картины с изображением природы и замысловатых абстракций, ограненные позолоченными рамами. Общая атмосфера особняка Стоунэма выдержана в викторианском стиле – старомодно и скучно. Такое ощущение, что в подобном «замке» живет одинокий интроверт, унаследовавший дом от своих предков.

Я продолжаю идти вперед по начищенной до блеска каменной плитке босиком, разглядывая все, что попадает на глаза.

С высоты второго этажа вижу помпезную люстру, сделанную из серебра, и лестницу, которая уходит на первый этаж...желудок скручивает тугим узлом, как только я осознаю, насколько близко нахожусь к выходу. Панорамные окна хранят тайну того, где именно мы находимся – непроглядная тьма глубокой ночи оставляет меня в полном неведении о моем местоположении.

– Ты почему не спишь ночью? – интересуюсь тихо, осторожно ступая рядом с девочкой. Мне все еще кажется, что все это происходит лишь в моей голове.

Мой разум защищается от одиночества, и маленький ангел – это лишь плод моего воображения.

– Я иногда хожу во сне, – девочка хихикает, поправляя свое белое платье для сна. Под мышкой она сжимает плюшевого котенка. – Как вас зовут? Барби?

– Лейла, – отвечаю, глядя на то, как девочка смотрит на меня. С восхищением.

– А когда я вырасту, я буду такой же красивой, как вы? – девочка улыбается еще шире, оголяя свои белые зубки.

Опускаюсь на корточки, чтобы быть к ней ближе.

– Ты уже очень красивая, – мне нравится эта девочка. Страшно думать о том, что у нее такой папочка. Надеюсь, его отношение к ребенку отличается от обращения со мной. – Как тебя зовут?

– Анджелина, – она ведет меня вперед по коридорам, а я все задаюсь вопросом, что будет дальше? Куда я пойду, когда отведу девочку в спальню? Удастся ли мне сбежать? Сейчас ночь, но наверняка в доме много охраны. Что же мне делать?!

В какой-то мере моя коробка стала для меня определенной зоной комфорта. А выбираться из зоны комфорта всегда очень трудно, тем более в оглушительную неизвестность. Без надежды остаться незамеченной. Попытаться сбежать сейчас глупо, а попытка бегства может стоить мне...да чего угодно. Кай может отреагировать на это совсем не так, как в моих мечтах.

– Мы пришли, – кроха останавливается у массивной двери, отличающуюся от всех остальных своим нежно-розовым цветом. На дверь прикреплена меловая доска, а надпись на ней гласит: Анджи. – Тебе можно войти внутрь.

– Может быть, ты – моя новая няня? – вдруг интересуется Энджи, когда мы заходим в ее комнату. – Я была бы очень рада этому. У меня постоянно меняются няни...

В ее голосе я улавливаю нотки невыразимой печали.

Комната Анджедины похожа на обитель маленькой принцессы. Все в белых и розовых тонах: кровать, шторы и детские кресла украшены рюшами и кружевами. Большая площадка для игрушек и кукол, которые аккуратно стоят в огромном игрушечном домике для Барби. У Анджи есть даже личная игрушечная столовая с фарфоровыми чашками и чайником.

На двуспальной, гигантской для ребенка, кровати лежат все новейшие гаджеты: планшет, телефон и другие игрушки.

У этой девочки было ВСЕ.

Я вспомнила свое детство: я до позднего вечера гуляла во дворе, а когда приходила домой, мылась в поржавевшей ванне и шла спать на жесткую кушетку. Мы даже телевизор не могли себе позволить, о приставке и телефоне и речи быть не могло.

Ходила я в одежде из секонд-хендов или с распродаж, но всегда старалась ее чистить и гладить, чтобы, несмотря на бедность, выглядеть опрятно и красиво. Настолько, насколько это возможно.

– Не думаю, что я твоя няня...а где твоя мама? И папа?

– Папа очень старенький – он сам так говорит. Он много работает. А мама меня не любит, – Энджи закусила пухлую губу и в ее глазах отразилась такая печаль, что я сама чуть не расплакалась. – Она все время в разъездах.

– Ну, что ты, детка, – я снова опустила и погладила девочку по волосам. – Тебя нельзя не любить.

Меня напрягли слова девочки о том, что у нее «очень старенький папа». Кай конечно на десять лет старше меня, но он по всем параметрам остается молодым человеком. С его телом и его деньгами он может быть молодым вечно.

– Ты моя фея. Ты очень добрая, фея-Лейла, – девочка улыбнулась, а потом зевнула.

– Скажи мне, как зовут твоего папу? – не смогла не полюбопытствовать я. – Расскажи фее о своей семье.

– Папочку зовут Барт. Маму – Стелла. Еще у меня есть очень взрослый дядя – Кай. Его я люблю больше всех! Он замечательный, – у Энджи загорелись глаза, когда она рассказала о Кае.

Я чуть воздухом не подавилась. И окончательно запуталась, кто кому приходится в этом семействе. Мне понадобится время, чтобы разобраться в этом. Придется изрядно порыться в своей памяти. Я же читала биографию Стоунэма, когда готовилась к статье. Вся нужная мне информация уже есть в моей голове, остается лишь достать ее.

– Да? – сомневаюсь в том, что моя характеристика Кая будет близка к слову «замечательный». А вот девочка похожа в нем души не чаяла.

Это меня радует. По крайней мере он не творит с ребенком ужасные вещи, на которые он способен.

Человек, и правда, лицемерный, лживый ублюдок, который ведет двойную жизнь.

– Он покупает мне все-все и уделяет мне время, несмотря на то, что дядя ОООЧЕНЬ занятой человек, – с выражением протягивает девочка.

Все понятно. Видимо, этот подлец купил любовь ребенка. Хоть детей не обманешь...

Бедная девочка. Она и не представляет, в каком логове чудовищ растет. Она как огонек надежды в этом доме. Лишь бы из нее не вырастили ужасного человека.

– Тебе нужно спать, принцесса, – опускаюсь на кровать Анджи и накрываю ее одеялом, когда она ложится на атласные подушки.

– Мама никогда так не делает. Только он, – тихо добавляет она, прикрывая серые глазки.

– Кто он?

Но девочка ничего не отвечает. Наверное, она имела в виду своего отца.

– Ты моя фея, я увижу тебя снова? Ты же не уйдешь? – лепечет она сонным голосом и прижимает к себе свою плюшевую игрушку.

Эти слова вырезают стигматы на моем сердце. Наверное, я так сошла с ума без общения, что за пять минут привязалась к чужому ребенку. Я всегда любила детей. Особенно таких чудесных и спокойных, как эта девочка.

– Я заперта в той комнате. В шкатулке фей, – тихо шепчу я, поглаживая одеяло. Но девочка уже спит.

Ага. Шкатулка фей? Скорее, коробка одиночества и пыток. Клубники и эротических романов.

Не знаю, сколько бы я так просидела в комнате девочки. Каждую секунду я боялась, что сейчас кто-то войдет в комнату, скрутит меня вдвое и утащит в «коробку».

Неспеша я подошла к окну, пытаюсь вглядеться в темное пространство. Мы находились в окружении ландшафтных садов и других домов роскошного вида. Едва заметные огни помогли мне узнать это.

Уже хоть какая-то информация.

Я вышла из комнаты, бросив на Анджелину свой взор. Вряд ли когда-нибудь увидимся. Нужно было подговорить ее. Сказать, чтобы она освободила меня...но как? Ей всего пять лет. Она вряд ли бы поняла мой замысел и сделала бы все так, как мне нужно.

Может стоит пробраться на кухню, стащить нож и наведаться в спальню Кая? Приставить его к горлу и потребовать объяснений и свою свободу? Или, на хрен, убить его сразу, чтобы это зло никогда и никому больше не причинило вреда.

Но как найти его спальню в лабиринте этих комнат?

Вдруг я слышу какие-то голоса. Они раздаются далеким эхом, но я сразу понимаю, что будет лучше, если я немедленно убегу или спрячусь. Мой взгляд падает на черную железную дверь передо мной. Она отличается ото всех остальных, подобно двери в спальню Анджелины. Правда комната Энджи является источником света в этом доме, а от этой двери исходит жуткая, грязная и неприятная энергия. Что-то мне подсказывает, что лучше мне не

открывать этот «ларец Пандоры».

Я почувствовала себя гребанным экстрасенсом, который считывает энергетику с неодушевленных предметов. С головой уже точно все не так хорошо, как хотелось бы...

А голоса все продолжали приближаться, и я побежала, сама не знаю куда – я запуталась в бесконечных коридорах и лестницах дома. Я уже не знала, где находится моя спальня-коробка.

Звук сердца гроыхал в висках, я перешла на бег и уже ничего вокруг не замечала и не слышала, надеясь, что бегу как можно дальше от этих голосов...

На повороте я чуть не упала. Пришлось схватиться за косяк и отдышаться. Волосы прилипли ко лбу, я подняла взгляд...и остолбенела от происходящего.

Мой слух сразу же вернулся и начал различать разные полутона доносящихся звуков.

– Ах, Боже, да. Да, Кай, да. Да, да, ты просто...оооох, – мой взгляд упал на небольшую колонну у стены.

Дыхание сперло, как только я разглядела в едва освещенном коридоре накаченные, маскулинные, мужские ягодицы.

– Молчи, сука, и принимай его глубже, блядь, – мужской угрожающий тон, который принадлежал обладателю ягодиц. Каю.

Мои зубы до боли врезались в нижнюю губу, я едва сдержала то ли крик ужаса, то ли стон шока, назревающий внутри. Шока? Неужели шока, Лейла?

Тело мужчины выглядит впечатляюще.

Широкие плечи, поджарая спина, на которой выдаются упругие мышцы. Сейчас они пребывают в постоянном движении. Струятся, перекачиваются под его кожей, позволяя оценить всю его силу, всю эту мощь, что заключена в мужском теле.

Узкая поясница, а за ней и бедра, которые жадно вбиваются в женское тело, открывая моему взору ямочки на ягодицах.

Он просто долбит эту девушку и явно не жалея. А ей, черт возьми, это нравится.

О спонтанности дикого совокупления парочки свидетельствуют разбросанные в коридоре вещи: черная рубашка Кая лежит поверх жемчужного платья раскрепощенной девицы. Штаны мужчины просто приспустил с бедер. Не удосужившись их снять, он одержимо напал на свою жертву, которая стонет так громко, будто с нетерпением ждала подобного вторжения.

У меня впервые жизни горит все тело. Каждая, даже самая позабытая мышца, клетка, частичка. Меня словно прижали к раскаленной сковороде и оставили сгорать от неизвестной мне прежде разрушительной агонии.

Это настолько больно, страшно, и приятно, что я начинаю медленно сходить с ума от таких мазохистских мыслей.

Я выпадаю из реальности. Я уже не являюсь прежней Мелиссой. Я уже не та Лейла, какой была в плену у шейха. Я чувствую, что становлюсь новым человеком, другой девушкой, из остатков души которой Кай Стоунэм вылепил то, что ему необходимо.

- Кай... - стонет женщина, с удовольствием принимая его мощные толчки.

- Не называй мое имя, блядь, - рычит Кай, наращивая темп, о чем я понимаю по учащенным ударом плоти о плоть. Резко поставив ее в коленно-локтевую позу, Кай собирает волосы на затылке девушки, вбиваясь в нее с таким звериным отчаянным, что я невольно испытываю безумную жажду оказаться на месте этой девушки.

Это неправильно, стыдно, отвратительно...но я умираю от желания ощутить силу этого опасного мужчины внутри себя прямо сейчас.

- Ох, дай мне кончить...умоляю...да..да...Боже...ты Бог...ты Бог... - ее стоны переходят в умоляющие вскрики, каждую клеточку моего тела прошибает током.

Я нахожусь в настоящем ужасе и почти в беспомощности, когда понимаю, что моя ладонь зажата между сведенных ног.

Соски мгновенно твердеют, болезненно соприкасаясь с тканью майки и халата.

Животный низменный инстинкт наполняет меня до краев. Потребность. Потребность почувствовать...наполнить...унять это жуткое желание меж бедер.

На шатающихся ногах, держась за стены. Находясь словно в пьяном бреду, я убегаю в свою «коробку». Облизывая пересохшие губы, без конца чувствую на них вкус проклятых красных ягод и мечтаю только об одном. Дойти до своей кровати и упасть.

Не знаю, каким чудом я нахожу свою комнату, но даже шум захлопнувшейся двери не отрезвляет меня.

Я голодна, неудержима.

Это как сидеть на строгой диете годами и сорваться на швейцарский шоколад, итальянскую пиццу и запить все это бутылкой вина.

Шелк ласкает мое тело гораздо менее ощутимо мужских рук, но мне плевать. Бесстыдно раздвинув ноги, я начаю быстро ласкать свою ноющую плоть.

Инстинктивно я изучаю и трогаю себя так, как это делал бы Кай Стоунэм. Грудь заливает раскаленной магмой в тот момент, когда я ввожу пальцы внутрь, ощущая себя участницей той самой горячей сцены, которую только что наблюдала в коридоре.

– О да, охх...о да, – неконтролируемый шепот вырывается из моих губ, голова по инерции откидывается назад, и я кричу. Ноги дрожат, тело не принадлежит мне несколько сладких секунд. Дразнящие движения пальцев по нижним губам замедляются, пока я ловлю волны кайфа, снисходящие на меня из космоса.

Я кончила. Безумно ярко, крышесносно. Не так...совсем не так, как прежде.

И только спустя пять минут, когда я восстанавливаю дыхание, трезвое сознание начинает возвращаться ко мне.

Я, наконец, вспоминаю, что я разумный человек, а не грязное похотливое животное. Но уже поздно, потому что я совершенно ясно осознаю: я прошла второй урок Кая Стоунэма.

Глава 6

Кай

Желание.

Это именно то, что лежит в основе всей жизни. Всей природы. Желание жить, желание двигаться вперед, желание достигать конкретных целей.

Ничто не дает столько сил, как сексуальное желание.

Мои желания привели меня к тому, что любое «хочу» чертовски быстро переходит в статус «обладаю».

Лидерство в школе. В колледже. Везде, где бы я не находился. Больше всего на свете я хотел управлять, а не подчиняться, и благодаря годам практики, изучению манипуляционных техник у меня это получалось.

Я не намерен быть пешкой в этой жизни. Не собираюсь плыть по течению, выжидая, когда меня выкинет на ближайший берег. Я выберу этот берег сам и причалю к нему на расправленных парусах, чтобы наслаждаться всем, что дала мне жизнь.

Да, так было не всегда.

И я когда-то испытывал страх. В детстве я был маленьким гребанным трусом, который боялся описаться в штаны при виде собственного отца.

Но теперь это в прошлом. О нем мне ничего не напоминает. Единственной проблемой в моей жизни являются провалы в памяти, но с таким ритмом жизни это не мудрено. Мой мозг работает ежесекундно.

Он постоянно либо чего-то желает, либо что-то строит и изобретает. Кажется, я не отдыхаю даже во сне. Но сны самая неконтролируемая часть моей жизни. Ведь их я тоже не запоминаю.

Моя любовь к власти проявляется во всем, к чему бы я не прикасался.

Лучшие дома. Лучшие вещи. Компании. Не самые честные пути. Подчинить своей воле человека – ерунда для такого манипулятора, как я. Человеческий мозг – машина, и если уметь правильно дергать за нужные ниточки, чувства вины, стыда, страха, можно управлять любым.

Я редко встречаю людей, которые способны противостоять моим манипуляциям. Как правило, они даже не замечают и не отдают себе отчета в том, что с ними происходит.

Я просто проникаю в их мозг.

Бактерия, вирус – и вот они уже делают все, что я хочу, а потом не понимают, как это произошло.

Это все манипуляции, и я бы уж точно не хотел оказаться в кресле жертвы. Этого никогда и не случится.

Людей слабых духом слишком много. Достойные жертвы, интересные...в жутком дефиците.

Жертвы ломаются и ломаются быстро. Это может быть кто-угодно. От компаньонов, подчиненных и девушек, до мировой «элиты».

Отец превосходно научил меня одному бесценному правилу жизни, постоянно манипулируя мной и матерью.

Не скажешь первым – тебя уничтожат прежде, чем откроешь рот.

Не ударишь – ударят тебя.

Аналогию можно провести с чем угодно.

Не трахнешь – тебя нагнут и трахнут.

Женщина должна знать свое место. Однако, современные женщины, почему-то решили, что у них есть яйца. Превратились в рабочих лошадок, растеряв свою истинную женственность и огонь во взгляде. Либо были пустыми шлюхами. Не все...но очень и очень многие.

Но сегодняшняя потаскушка была не из таких. Я даже лица ее не помню.

Секс – это единственное, что помогало моему мозгу отдохнуть. Хотя бы ненадолго расслабиться. Время, когда я могу не думать ни о чем, полностью отдаться основному инстинкту.

Но сегодня мне не хватило разрядки. Перепихон в коридоре с одной из кандидаток в няньки Анджелине не лучшая идея, но он был весьма неплох. Девочка же не зря ждала меня с утра до поздней ночи – я задержался на встрече, поэтому смог провести собеседование лишь ночью.

Собеседование она не прошла.

Такая доступная и скучная. Ничего выдающегося. Массовый проходняк.

Я, наконец, возвращаюсь в свой кабинет и, опустившись в кресло, закидываю ноги на стол. Для полного счастья мне не хватает только сигареты и любимого «сериала».

Как там мой подопытный кролик?

Я расслабляюсь, когда делаю это, ловлю маниакальный кайф. Наблюдаю за своей жертвой. Радость от того, что идиотка, которая посмела разрушить мою карьеру и посягнуть на мою власть, сходит с ума.

Бедная девочка еще не знает, что полнейшее заточение, это только цветочки. Скоро пойдут ягодки, хотя кажется, она уже начала меняться в нужную мне сторону.

Своей фригидностью она оттянула мои планы на целый месяц.

Я мог наблюдать за каждым шагом этой девушки. За тем, как она занимается спортом. Сходит с ума. Моется...

В общем, интересного, на самом деле, было мало.

Я чуть не подавился дымом, когда начал проматывать то, что происходило с ней сегодня. Сейчас девушка спит, но вот если отмотать назад...

Я отматываю запись и вижу, мать ее, пустую комнату. Она выходила. КАК? Как, черт возьми, она это сделала?!

Сжимая зубы от гнева, начинаю пролистывать камеры в коридорах и сразу вижу полную картину произошедшего. Энджи.

Этой сучке удалось выбраться благодаря Ангелочку, но почему она снова оказалась там?! Почему не убежала?

Это редкость, но от любопытства у меня слегка схватывает дыхание.

Жертва ведет себя неадекватно. А это всегда интереснее, чем то, что я уже изучил. Чем то, что я уже видел. Непредсказуемость всегда заводила меня...

Листаю и мотаю видео дальше, пока не натыкаюсь на тот самый коридор, в котором трахал «кандидатку» совсем недавно. На экране я вижу себя.

А если посмотреть с другой камеры?

Блядь.

То, что я вижу, заставляет мой удовлетворенный член резко надавить на плотно застегнутую ширинку брюк.

Это уже...то, что нужно. Наша стерва не так безнадежна, как казалась на первый взгляд.

Тушу сигарету, наблюдая за тем, как подопытная зверушка ласкает себя неумелыми пальчиками, а потом бежит по коридорам, спотыкаясь, трясясь, изнемогая. У девочки уже едет крыша, и это замечательно.

Станем сумасшедшими вместе.

Ощущаю, как тесно становится напряженному члену в боксерах, когда вижу, как девушка ложиться на кровать, быстро и очень широко разводит ноги в стороны. Стройные, длинные. С изящными коленками.

Качество полное дерьмо. Не такое, как в жизни, разумеется. И это меня злит. Я черт побери, хочу видеть это воочию. Хочу видеть еще ближе...но даже на экране я замечаю насколько она возбуждена.

То, как она ненасытна.

И то, как она кусает свои полные губки, играя пальцами со своей порозовевшей от возбуждения девочкой.

С девственной, невинной девочкой.

Я намерен это исправить.

Я сам не замечаю, как тяжесть в яйцах становится почти невыносимой, и моя ладонь освобождает твердый член из брюк, плотно его сжимая.

Что за хрень? Если я хочу ее, я могу просто использовать ее и все, но это, черт возьми, скучно, и к тому же я уже обещал ее кому-нибудь из своих приятелей.

Деймон. Он любит девственниц. Он бы убил меня за возможность схватить ее, нагнуть раком и взять свое.

Но он не должен забирать то, что принадлежит мне.

Лейла на экране начинает крутить бедрами, помогая себе достичь вершины, и я замечаю, как ее пухлый ротик приоткрывается, и вкушаю ее неудержимые стоны.

- О, да, охх...о, да, - ноги девушки дрожат, кажется, она сама не понимает, что делает.

Желание.

Я не могу не испытывать одержимого желания, глядя на то, как эта мерзкая разрушительница моей жизни ласкает свою малышку, думая обо мне. А о ком еще?

Я - единственный мужчина в ее жизни. Меня она видела в коридоре. Я стану для нее всем. Я стану ее гибелью.

Без моего разрешения она не сделает ни единого вдоха.

Моя кукла.

Со злостью я закрываю ноутбук, осознавая, что у меня еще есть другие способы снять возбуждение.

Пусть Лейла играет сама с собой, пусть тренируется. Скоро ей пригодится этот навык.

И очень скоро.

Лейла

Прошла еще примерно неделя. О ТОЙ ночи я старалась не вспоминать, но не могла.

От романов меня теперь жутко трясло. Мне казалось, что если я перестану читать их, то возбуждение пройдет и сексуальный голод вместе с ним.

Здесь, взаперти, я как никогда чувствовала себя одинокой. Хотя там, в своей прошлой жизни, я всегда думала, что более одинокой, чем тогда быть невозможно.

Мои подруги влюблялись. Они, черт возьми, любили и были счастливы. Плевать, что их мужчины не были пределом моих мечтаний, но у них была защита. Опора, на которую они могли положиться. А я была одна. Всегда одна.

И когда тот ублюдок раздвинул мне ноги и попытался трахнуть, рядом со мной был только брат, Кристиан, а десятки других поклонников, по сути, не являлись моей опорой.

Криса я сама прогнала, точнее не представляла между нами ничего крепче дружбы.

Да я вообще никого не любила кроме себя. И кто я теперь?

О д и н о к а я. Потерянная.

Кай в два счета уничтожил мою самооценку. Слишком быстро моя гордость дала трещину...

Мне нельзя сдаваться. Нельзя так рассуждать.

Но мое внутреннее возбуждение становилось сильнее с каждым днем. Душа требовала ласки, внимания, секса, в конце концов, которого я прежде никогда не хотела, после пережитой попытки изнасилования. Может, повышение либидо связано с циклом, может, с чем-то еще. Но мне постоянно хотелось есть, особенно сладкое и фрукты. Клубника автоматически вызывала во мне особые чувства предвкушения близости. К романам я не прикасалась, тренируя силу воли, осознавая, что они только усилят сексуальный голод моего тела.

Сладость ягоды рождала во мне мысли, от которых я хотела сбежать. А картинка из ночных воспоминаний преумножала этот эффект.

Какой бы далекой не была моя фантазия, в ней всегда вдруг появлялся Кай. Его бедра с ямочками, что так усердно вколачивались в хрупкое тело той стонущей девки.

– Ты сходишь с ума, – в очередной раз шепчу я, проснувшись утром в «дне сурка»: йога, прием пищи, посиделки на подоконнике. Вот и все мои планы на день.

Оглядываясь по сторонам, вижу, что Джозеф уже принес мне еду. К тому же посреди комнаты он поставил синее кресло, которое до этого стояло в углу. Теперь оно находится слишком близко к моей кровати.

Плохое предчувствие затаилось глубоко внутри.

Я слышу его шаги еще до того, как Стоунэм открывает дверь и застает меня на кровати с расческой в руках.

Никогда не знаешь, в какой момент тебя настигнет этот монстр. Однако в зеленых глазах Кая я опять не вижу того человека, которого видела в Большом Зале на приеме у Ясина.

Это странно...но в том взгляде не было НИЧЕГО человеческого. Да, это был тот же мужчина, но тогда у меня было такое чувство, что Кай может сотворить что угодно. Пойти на любой грех. На убийство...меня?

На уничтожение и неоправданную жестокость.

Но если тот монстр был готов совершить любой грех, то этот Кай, что ворвался в мою комнату, сам был грехом, но совершенно в ином значении этого слова.

Совершенный, искустительный, пленяющей мужской силой и энергией власти. Он, как мираж – идеален до чертовых брильянтовых запонок, сильного и упругого тела внутри которого течет яд, а не кровь. Запретный плод, манящий и сладкий. Я была Евой, которая тянулась к плоду. Он – совершенным, но

отравляющим яблоком.

Вот и все.

– Доброе утро, – всего два коротких слова, а я уже ощущаю себя так, будто Стоунэм мне к горлу нож приставил. Это вовсе не «доброе утро». Это «сейчас ты будешь делать все, что я тебе прикажу». – Я смотрю, одиночество идет тебе на пользу, – в его взгляде читается невербальное «я знаю все твои тайные желания, Леа, и даже не пытайся скрыть от меня хотя бы одно из них».

Черт возьми, я сижу на том самом месте, где еще неделю назад раздвинула ноги и ласкала себя, представляя в мыслях его прокаченные бедра и округлый зад. Хочется стать невидимой.

– Доброе утро, – сквозь зубы бросаю я, начиная остервенело драть свои волосы. От нервов, тянусь к клубнике и отправляю несколько ягод себе в рот, пока Кай садится в кресло и, не глядя на меня, делает пару пометок в телефоне. Только сейчас я замечаю, что он принес с собой какую-то черную папку.

– Ты вежлива, это приятно. Появились мозги? Очевидно, пять недель в одиночестве поставило тебе их на место, и у нас не возникнет дальнейшего недопонимания...хм, в нашей работе.

– Эм...в какой работе? – от его голоса, медленного, но уверенного, мне становится не по себе. Каждый звук, который он издает, всегда находит ответ и подчинение у окружающих его людей, и это чувствуется.

– Исправительной работе, – Кай поднимает бровь, глядя на меня снисходительно. Как на маленькую и глупую девочку, которая все еще верит в Санту. – Ты подпортила мою репутацию. Разрушила карьеру. Я буду баллотироваться снова, но пятно дерьма и грязи, что ты нанесла на мое честное имя, просто так не отмоешь. Поэтому, как я уже и сказал, ты здесь для того, чтобы я вернул тебе долг. С процентами. Поскольку я изучил всю информацию о тебе и понял, что ты одинокая и фригидная женщина, у которой никого и ничего нет. Семья? Было бы глупо наносить удар по ним, учитывая то, что накосячила ты. Поэтому я и начал с тебя. Два года у Ясина уже разрушили самое ценное, что у тебя было – карьеру. Поэтому я решил начать с того, что у тебя осталось – ты сама. А ты – это твоя гордость, – он начинает загибать пальцы, пока я чувствую

себя на сеансе у психотерапевта. У очень страшного мозгоправа, который способен гипнотизировать людей. – Твоя невинность, твоё тело, твоё самодостаточность...и так далее. Что может тебя сломать? Правильно. Обесценивание. Разменность. Очень скоро, ты будешь хорошо знакома с этими мужчинами, – Кай бросает на кровать папку, с пренебрежением кивая мне. – Открой.

Я остаюсь неподвижна, опасаясь чертовой папки как огня. Кай сжимает веки в злобном прищуре, всем своим видом демонстрируя мне возможные последствия невыполнения приказа.

Беру кожаный переплёт в руки и открываю её. Пока листаю проклятые страницы папки, ощущаю, как моё сердце летит вниз со скоростью света. И разобьётся оно куда раньше, чем один из мужчин в этой папке притронется ко мне...

Это долбанное досье на каждого. Фото, информация об этих мерзких мужчинах. Кто чем занимается, кто какой компанией управляет. Некоторых из них я знаю, здесь представлены даже очень богатые и знаменитые «экземпляры». Мужчины уровня Кая Стоунэма, правда не все из них сексуальные красавчики. Объединяет их лишь одно – власть и полная вседозволенность.

Здесь указан их рост, вес, и что самое ужасное – предпочтения в постели. Я с ужасом читаю, как Брайс Харингтон обожает оргии, а Лесли Купер – оральный секс. Многие из них кайфуют от женского доминирования.

Я с радостью надеру задницу этим ублюдкам, только дайте мне стек, плетку и что там ещё прилагается...

– Заметь, далеко не все из них толстые и отвратительные. Есть неплохие ребята, и никто из них не будет сильно издеваться над тобой. Было бы хуже, если бы я продал тебя в Мексику, верно? – Кай дарит мне отравляющую кровь и воздух ядовитую улыбку.

Провожу ногтем по подушечке большого пальца, размышляя о том, как сильно отросли мои ногти, и задаю себе только одни вопросы.

Я могу расцарапать его гребанное лицо? Могу лишить его глаз? Могу хоть как-то изуродовать его совершенное тело, чтобы оно соответствовало гнили внутри

него?!

Я могу попытаться.

– Если ты думаешь, что хотя бы один из этих богатых ублюдков притронется ко мне, то ты жестоко ошибаешься, – гордо расправляю плечи. Я не дам ему себя запугать. Я найду способ выбраться отсюда. С помощью Энджи. И упеку Стоунэма за решетку. Обязательно.

– Ты не сможешь сбежать, – отвечает он, будто прочитав мои мысли. Как?! – И не сможешь обвинить меня в том, что я нарушаю закон. Ты добровольно подписала контракт, где признала себя собственностью Ясина. По другому договору, он продал меня тебе, и ты стала уже моей собственностью. У тебя нет документов, твои родственники о тебе не вспоминают...забудь об этом, Лейла. Выхода нет. Мелиссы Харт больше не существует. Она мертва.

Когда он произносит мое имя, я едва сдерживаю слезы. Мелисса. Мелисса Харт. Мое имя...моя личность...я...девушка, которая просто хотела добиться успеха в этой жизни. Сама подняться с колен, вырваться из грязи, в которой плескалась все детство.

– Я повторяю, ни ты, ни один из них никогда меня не тронете, – и тут я делаю то, что сотни раз прокатывало с Ясином. Да и со всеми. Я сладко улыбаюсь Каю, вскидывая подбородок. Медленно закидываю ногу на ногу, задирая полы своего халата на пару сантиметров. Легким движением пальцев.

Все это не ускользает от взгляда Стоунэма. В глубине его глаз тлеют искры первородной похоти.

– Уже неплохо. Ты можешь быть сексуальной, когда хочешь. От тебя пахнет сексом, Леа, – его ноздри слегка раздуваются, когда Кай с шумом вдыхает.

Он знает.

Черт возьми, неужели он знает?!

Что я влажная с того самого момента, как он вошел в мою чертову коробку. Мне чертовски стыдно за это, но я не могу противостоять тому, что будит во мне его энергия власти и полнейшего владения ситуацией. Владения мной...

Я собираюсь ответить на провокацию Стоунэма, но мои губы буквально прилипли друг к другу, пока я пытаюсь подавить застрявший в горле ком.

Все что мне остается, это гордо приподнять голову, и попытаться посмотреть на Кая, как на кусок дерьма...но ничего не выходит. Я словно уменьшаюсь, ведомая силой его взгляда.

– Хорошая попытка, – хвалит он, прищурив веки. – У тебя определенно есть характер. Это было ясно еще по твоим статьям. Мы могли бы много достигнуть, если бы были на одной стороне...

В моем сердце расцветает надежда. Надежда на то, что Кай передумает и немедля сожжет эту чертову папку. Может, я могу как-то исправить то, что сделала? Пусть мне придется трижды написать неправду, но чтобы выйти на свободу и избежать сексуального рабства, я готова это сделать. Я увидела яркий свет в этой кромешной тьме, но, как оказалось, это был очередной эксперимент Кая.

– Как у тебя глазки то загорелись, малышка. Даже не думай, что избежишь моей мести. Ты уже сделала свой выбор четыре года назад, и мы никогда не будем по одну сторону.

Мгновенно падаю духом. Кай внимательно рассматривает меня длинным, оценивающим взглядом, и в ту секунду, когда его пристальный взор падает на мою грудь, я ощущаю, как соски затвердевают под тонкой тканью бюстгалтера.

Как он это делает?! Почему я хочу убить его и наброситься на него с поцелуями одновременно?

Гребанный ПМС, вальс гормонов. Романы и клубника.

– Я не боюсь тебя, Кай Стоунэм, – не знаю каким чудом я собираю силы в кулак и встаю, с целью стать выше него. Стоунэм тут же поднимается, и моя попытка с

треском проваливается – Кай на две с половиной головы выше меня. Рядом с ним я выгляжу школьницей. – Думаешь, можешь видеть меня насквозь? Думаешь, сможешь меня заставить лечь под кого-нибудь из них? Попробуй...да только ты прекрасно знаешь, что со своей «проблемой» я вряд ли заинтересую кого-то из этих мужчин. Как ты уже говорил, никто не любит «сухих телок». Вы – мужики, настолько слабые, что вам постоянно нужна изнывающая от желания к вам женщина под боком...лишь бы самоутвердиться за ее счет! Лишь бы, на вас смотрели, как на Богов...ты – ничто, без этих женщин, Кай Стоунэм. И ни одна из них никогда не любила тебя. Никто и никогда не видел в тебе Бога. Ты – гребанный дьявол, пожиратель, ты пьешь душу и только потребляешь, уничтожая все вокруг...

– Ты меня утомила, – коротко выдыхает Кай, в один шаг приближаясь ко мне. В считанное мгновение он срывает с себя галстук и плотно затягивает его на моей шее – малейшее движение и кислород перестанет поступать в мои легкие.

Набираю в них воздуха, уже начиная жалеть о своей смелости.

Я врала. Я чертовски сильно врала, когда сказала о том, что не боюсь его. Я боюсь Кая, но еще больше боюсь того монстра, что сканировал мой танец в Большом Зале. И я знала, что ОН сидит в нем.

Он вернется за мной. Когда он вернется, у меня не останется шансов.

– Твоя проблема уже решена, неужели ты этого еще не поняла, детка? – Кай тянется к тележке, которую принес мне Джозеф, и что-то берет с ее поверхности. – Ты будешь желать меня каждый раз, когда будешь вспоминать вкус этих ягод. Это программа, Леа. Твоя программа.

Он проводит клубничкой по моим губам, от чего они начинают дрожать, как от соприкосновения с инеем.

Чувствую, как голос Кая погружает меня в состояние забвения, но отчаянно пытаюсь бороться с этим. В то же время сил на борьбу не остается, потому что мне хочется... Мне, черт подери, хочется тянуться за этой ягодой, косаться ее языком, немедленно ощутить сладкий вкус у себя во рту, а затем и уже до боли знакомое томление в самом низу живота...

– Смотри, как ты выдрессирована, моя зверушка, – шипит Кай, отводя клубнику на пару сантиметров от моих губ. Мое тело по инерции тянется к ней, и только его галстук на моей шее и боль мешает мне откусить ее вместе с его пальцами. Я отчаянно хочу потянуться к ней языком, и это желание выше всего человеческого во мне, сильнее доводов разума.

Смотри, как ты выдрессирована, зверушка.

О, нет. Что он делает? Что он со мной делает? А главное – как?

– Люди мало чем отличаются от животных. Запомни это, ягодка, – продолжает науськивать Кай, наблюдая за моими реакциями. В его полных жестокости и удовольствия глазах я вижу, насколько этот сумасшедший упивается моей болью. Моим...подчинением.

– Условный рефлекс в тебе выработался за несколько недель, и теперь увлажнить тебя не составит труда. А знаешь, что самое страшное? До конца своих дней ты будешь видеть мужчину только во мне. Это твоя роль. Это теперь твоя природа. Подчиняться мне, верить меня, желать меня. Я твой создатель. Создатель твоей женской чувственности. Без меня ты завянешь, как роза без внимания и садовника.

Кай проводит ягодой по моему языку, и растеряв остатки разума, я вновь чувствую возбуждение. Плавно натягивающуюся пружину из тепла в районе моих бедер. Она вспыхивает, обжигая область бедер. Пульсирует, требуя утолить жажду.

Перед моим внутренним взором всплывает недавняя картина: сильная спина этого мужчины, напряженные мышцы его крепкого зада, которые двигаются в такт его движениям.

Ох.

– Ты сумасшедший, – хрипло шепчу я, прогоняя этот образ из своей головы. – Да ты же сраный маньяк!

– Маньяк, да. Напишешь это в своей статье, когда выйдешь на свободу? Ах, да, этому не бывать, – Кай выдыхает, и я ощущаю жар от его дыхания. Он уже сам на грани. Еще чуть – чуть, еще одно мое слово или неосторожное движение и он переступит эту грань.

– Хочешь съесть эту ягоду, Леа? – и снова его нежно-ядовитый тон проникает сквозь поры на коже. Тон, что нежнее утренних поцелуев, и страшнее, самого жуткого ночного кошмара.

Киваю, не замечая, как соглашаюсь с гипнотизером. Я, может, и хочу отрицательно помотать головой, но она...не слушается меня. Особенно, когда я смотрю в зеленые глаза Кая – его зрачки расширяются. Возможно, он тоже возбужден.

Мысль о том, что он хочет меня, подливает масла в мой неутолимый внутренний огонь.

– Ты ее получишь после, – с этими словами он сдвигает ткань моих трусиков в сторону и прижимает влажную ягоду к самой чувствительной точке на моем теле. – Уверен, ты еще слаще, чем эта ягода, – Кай усмехается, еще больше раздражая меня своими грязными словечками.

Ноги подкашиваются, но Стоунэм вовремя сжимает мои бедра, удерживая на месте и защищая от фееричного падения.

Боже, нет. Отойди от меня. Не трогай.

Уйди, отвали, прошу, верни мне мой разум! ВЕРНИ!

Черт, я теку, как последняя сука, когда похититель моей жизни ласкает ягодой мое лоно. Поглаживает клитор так трепетно. Так нежно. В это же время его ладонь жадно сминает мою задницу, явно намереваясь оставить мне синяки в форме мужской ладони на память.

– Ох, не надо...убери руки, – тихо лепечу я, но на мои слова Кай реагирует мягким и удовлетворенным моим унижением смехом. Он возвращает клубнику в мой рот, и я с упоением съедаю ее, ощущая, как на губах остается ее сладкий

сок и другой, незнакомый мне вкус...

Только через две секунды я осознаю, где только что нахоилась эта ягода.

– Ты очень натурально ломаешься, но я тебе не верю. Может, ты и невинна, но я то знаю, сколько похоти и тьмы скрывается в этих голубых глазках. Ты – настоящая сука, – а потом Кай отпускает меня, оставляя мое дрожащее тело на пике возбуждения. То ли от ненависти к нему. То ли от ненависти к себе и к своей податливости.

Как только он останавливает эротическую экзекуцию, гнев проясняет мой разум.

– И я-то знаю, что ты делаешь в своей кровати, когда остаешься одна, – он снова довольно ухмыляется, заставляя мое сердце разрываться от испытываемого стыда.

Боже...он правда...видел это?

Как я могла так попасться? Как могла дать ему еще один повод унижать и манипулировать мной?

– Ты бы могла попросить меня вместо того, чтобы ласкать себя неумелыми пальцами. Но ты же у нас гордая сучка. Что ж, можешь пока изучать материал, – он кивает в сторону черной папки. – На данном этапе я получил от тебя все, что хотел. И да...не стоит отказываться от моих подарков. Не будешь есть – будет хуже.

Кай не оставил мне выхода. Он перекрыл камнями все лазейки, все последние шансы избавиться от его власти и контроля.

Как только он разворачивается ко мне спиной, мои нервы не выдерживают. Отчаянно закричав, я кидаюсь к шкафу. Давясь собственным криком, я отодвигаю зеркальную дверь, слегка ужасаясь, заметив в отражении истеричную дикарку.

Это не настоящая я. Кай превращает меня в животное. Лицо искажено злобой и ненавистью, вместо улыбки – ядовитый оскал. Вместо фарфоровой и холодной

кожи – пунцовые щеки, алеющие от прилива крови.

Я ненавижу дьяволицу в своем отражении. Но еще больше я ненавижу демона за моей спиной.

– Подарки?! – кричу, на разрыв аорты, хватая первое попавшееся под руку платье от Chanel. Одна ткань этой тряпки стоит как весь мой гардероб из прошлой жизни. – Ты называешь это подарками? Это рабство! Забрал меня из рабства в более худшее рабство! Мне, на хрен, не нужны твои подачки! Эта гребанная комната! Твоя отравленная гнилью еда!

Поток гнева и желчи бьет из меня неудержимым фонтаном. Я хватаю все, абсолютно все, что попадается мне в руки – шикарные платья, расшитые дорогими стразами, вечерние, утонченные, коктейльные.

Платья для принцессы.

Платья для идеальной куклы.

Я пытаюсь рвать ненавистные мне шелковые халаты, сжимая зубы до хруста, до дикого почти мужского хрипа из горла.

– Ничего мне не нужно! Ты просто псих! – меня трясет изнутри. Скорее сейчас я сама похожа на девушку, только что сбежавшую из психушки. Кровь сжигает мою кожу изнутри, но мне и этого мало.

Я собираюсь уничтожить все эти вещи. Все до последнего гребанного лифчика от VS.

– Я тебя ненавижу! Ненавижу, Стоунэм! Забирай все это! Лучше убей, но я не собираюсь быть твоей...твоей куклой... – я слегка сдаю позиции, разрывая очередное белье руками, бросая остатки ткани за свою спину.

Мои руки горят и болят – ткань натерла кожу до ссадин, будто я пыталась удержаться за выскальзывающий из ладоней жесткий канат.

Демонстративно захлопываю дверь шкафа и поворачиваюсь к Каю, тяжело дыша. Волосы опадают на мое лицо, почти полностью закрывая его.

Боже. Я только что подписала себе смертный приговор.

Потому что, когда мой взгляд скользит по ногам Кая вверх, я замечаю в его сжатых кулаках наручники. А потом поднимаю взгляд еще выше и прикрываю рот руками, испытывая леденящий душу страх.

Он снова здесь. В этой комнате. Он за мной вернулся.

Глава 7

Лейла

Кай смотрит на меня исподлобья, не моргая. Кажется, он даже не дышит – настолько злое и окаменевшее выражение его лица. В бездне зелено-карих глаз зарождается чистое безумие.

Пугающее, неприкрытое. Оно передается и мне, пока я гсмотрю в глаза, полные тьмы, жестокости и порочных желаний.

Первородное зло вернулось за мной. Один этот взгляд, полный безумия, дичайшей похоти и развратности, затягивает удушающий аркан на моей шее.

Можно ли задыхаться лишь от взгляда...? Можно. Я прочувствовала это каждым дюймом своего тела, когда поперек горла встал ком. Кровь в голове загустела.

Кто ты? ЧТО ТЫ?

Передо мной уже не конгрессмен с двойной жизнью и желанием отомстить и унижить меня. Это настоящий маньяк, который с удовольствием разделается со

своей жертвой.

Все это я понимаю за доли секунд, которые у меня были...а потом бросаюсь к двери.

Ублюдок хватает меня за запястье и резко толкает к зеркалу одним мощным движением. Острая боль, пронзающая затылок, становится невыносимой. Удар моей головы о зеркало был таким сильным, что оно трескается. Еще бы чуть-чуть и осколки стекла раскроили мне череп.

По венам течет ледяная магма, сковывающий любые движения ужас. Обнаженный страх.

Стоунэм не проронил ни слова после моей истерики.

Комнату наполняют лишь звуки моего дрожащего и тяжелого дыхания. Звуки моего страха – кайф для его ушей. Питание маньяка, который загнал жертву в маленькую, сдавливающую грудь клетку. И жертва оказалась ему по вкусу. Он предвкушал ее отчаяние.

То, что произошло дальше стало самым ключевым поворотом в моей жизни.

Если до этого момента, до этой гребанной точки невозврата я еще верила в то, что буду свободна, в то, что смогу избавиться от этого дьявола хотя бы когда-нибудь, то сейчас эти надежды рухнули. Рассыпались вдребезги и полетели в меня осколками.

Я думала, что меня не сломить. Но этот человек не ведал морали, не ведал принципов.

Человек? Нет, передо мной стоял не человек. Демон из наивысшей касты.

Я заставляю себя действовать, прекрасно понимая, что сопротивление сделает насильника еще более агрессивным и жестоким.

Пока он наслаждается последними секундами моей невинности, я бросаюсь на него, выпустив «коготки» – роковая ошибка, стоившая мне...всего.

Царапая Демона по щеке, я только приглашаю зверя к обеду. Это только облегчает его дальнейшие действия: Стоунэм сжимает мои запястья и в два счета скручивает их за спиной.

– Сейчас я трахну твою маленькую, тугую попку. И только попробуй вякнуть, – его слова отдаются эхом в моих висках, и я чуть было не теряю сознание, осознавая весь масштаб личностного крушения. Холодный металл наручников сковывает мои запястья, режет напряженные вены, ставя меня в обездвиженное положение.

– Отпус..., – Кай затыкает мой рот галстуком. Тот факт, что его жертва может задохнуться, мало волнует Стоунэма. Плотно завязывает на затылке. Теперь мой предел – мычание и всхлипы. Я плюю в этот проклятый кляп, но невозможность говорить сейчас является наименьшей из моих бед...

Я ненавидела его. Я не хотела его. Но моя плоть была влажной для него, потому что ОН установил свою программу в моем теле. Он сотворил из невинной девушки суку, которая будет истекать желанием каждый раз, когда ест клубнику.

Глупо? Невозможно? Отвратительно? Да. Но Кай Стоунэм король в искусстве управления людьми.

Мне хотелось кричать «не надо, пожалуйста! Пожалуйста...», но из груди вырвалось лишь утробное мычание. Беспомощное, жалкое. Мышка поймана.

Осталось снять шкурку и сожрать не разделявая.

Я отчаянно верила, что что-то остановит насильника и ЭТО не случится. Наивная.

Он жестко придавливает меня к полу, совершенно не жалея своей мужской силы. Я ударяюсь виском о мягкий ковер, а шею скручивает так, что мне приходится бороться за каждый вдох. За каждый выдох. Связанные руки подонок зафиксировал на моих ягодицах, задранных кверху.

Насильник ставит меня в самую рабскую, самую постыдную и отвратную позу.

Ничего более ужасного и унижительного в моей жизни еще не было. Стоунэм сдирает с меня одежду, как зверь – церемониться маньяк не собирается, и теперь он видит ВСЕ, что принадлежало только мне.

– Вот так. Прогнись, неблагодарная сука, – рывкает безумец. Я чувствую костяшки его пальцев на лопатке, Кай заставляет меня провиснуть под ним. Давит на меня так, будто желает пробить моей головой чертов пол. – Не стесняйся и не горбься. Покажи мне свою влажную малышку, – маниакальное желание и одержимость свистят в его выдохе. – И смотри в зеркало, шлюха.

Я послушалась приказа. Я не собираюсь смотреть, как он насилует меня. Это выше моих сил...

– Смотри, я сказал! Не строй из себя невинность. Ты дешевая рабыня! Знай свое гребанное место. Я дал тебе все. Это твоя благодарность? А знаешь...мне плевать. Я хочу видеть твою кровь. И ее будет много, потаскуха.

Сумасшедший. Тряпки он называет ВСЕМ?! Его слова бьют меня по телу, сжирают мою гордость. Перед глазами плывет абсолютно все, даже собственное отражение. Я начинаю биться головой о пол, чтобы отключиться. Отчаянно щурюсь, пытаюсь не видеть того, что вижу в зеркале...

Слезы становятся кислотой, царапающей кожу лица, но Стоунэм мечтал вывести меня на подобные эмоции.

Лишь бы ничего не чувствовать.

– Знай свое место, соска. Не смей! Не видать тебе анестезии. Ты все прочувствуешь, ВСЕ, сука. И только попробуй отвести глаза от зеркала, – с угрозой шепчет он, когда я чувствую, как его горячая плоть скользит меж моих ягодиц. Я заверещала в галстук, а из глаз брызнул новый поток обжигающих слез. Рыданий полных мольбы и безысходности.

– Тише, грязная сука. Будет больно. Так и надо, – я не успеваю набрать в легкие воздуха прежде, чем он вторгается в меня. Боль и мощный удар по ягодицам превращают мое тело в живую кровоточащую рану. – Твое счастье, что я куда больше хочу твою девственную девочку.

Не растягивая, не подготовив к разрыву. Вот так за одну секунду двадцать пять лет моей невинности и целомудрия разлетаются по швам.

Наверное, кто-то скажет, что это не изнасилование. Ведь мое ТЕЛО, судя по всему, хотело этого.

Но не я.

Не так.

Твердый, как кол член без труда разорывает меня на части. Я кричу от боли, пронзающей все мое тело до последней клеточки. До последней косточки.

Меня будто вспороли наживую. Вторглись. Проникли внутрь и установили в МОЕМ теле свои правила.

Он врезается в меня яростно, с силой, совершенно не заботясь о моих чувствах, о моих ощущениях. Зачем? Демон может только забирать. Поглощать.

Пользоваться.

Я впиваюсь зубами в галстук, чувствуя, как с каждым жестким толчком слезы на моих щеках превращаются в водопады горечи и несправедливости. Непонимания. За что? Почему?!

Когда ЭТО закончится? Физическая боль ничто по сравнению со стенаниями души.

- Ты грязная влажная шлюха. Не плачь. Ты сама разбудила во мне зверя, - нежным голосом отзывается Чудовище, продолжая стискивать мою талию, мои бедра, не жалея сил.

Физическая боль в самом нежном месте тела становится настолько сильной, что на какие-то доли секунды мне хочется умолять его о смерти.

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/meyer_lana/demon-vnutri-menya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)